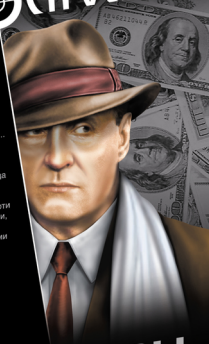

ИГОРЬ
АТАМАНЕНКО

СТРОИТЕЛЬ

«Я никогда не стану
обманывать честных
людей. Только негодяев.
Они хотят получить нечто
в обмен на нечто, а я даю
им нечто в обмен на нечто...
Круи от такого неосознанного
перехода валюты и
материю, парвал взгляд на
меня. У меня от этого аллага
покопало шкуру живота.
Я знаю его! Это был Герцог
собственной персоны,
и кроне... Но каими судьбами,
Юрий Львович, вас же
расстреляли, и в собственных
глазах видел протокол
о приведении приговора
в исполнение?»

Гроссмейстеры
афёр

Игорь Григорьевич Атаманенко
Гроссмейстеры афер
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654682
Гроссмейстеры афер : роман / Атаманенко, И.Г. : Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-4937-6, 978-5-4444-7312-2

Аннотация

Юлий Львович Герцог, истинный «композитор» криминального мира по прозвищу Кудесник, более четверти века азартно и бесцеремонно посягал на государственную казну и кошельки толстосумов, ненасильственно отбирая излишки. Его жизненным кредо было: «Никогда не облапошивать людей честных, только негодяев. Последние хотят получить нечто в обмен на ничто. Мы же поступаем честно, даем ничто в обмен на нечто...»

Ошеломляющие махинации, приводящие в замешательство самых искушенных сыщиков, многоходовые операции, сводящие с ума и разоряющие могущественных воротил мирового капитала, – всё это дело рук Кудесника, великого «гроссмейстера афер»!

Содержание

Книга первая	4
Часть первая	4
Предисловие	4
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	19
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Глава восьмая	25
Глава девятая	29
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	34
Глава двенадцатая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Атаманенко

Гроссмейстеры афёр

*Моему другу, чекисту неординарной судьбы, Леониду Козлову
посвящается*

Книга первая

Евангелие от афериста

Часть первая

Проделки «Кудесника»

Предисловие

Сложно найти как в реальном криминальном мире, так и в произведениях детективного жанра, приключения, подобные тем, что выпали на долю Юлия Герцога, гроссмейстера афер, занимавшего официальные посты в системе советской торговли. Возможно, он был не самым блестящим форвардом на жульническом поле, но всегда – первым.

Первооткрывателем. Первопроходимцем. Касалось ли это блиц-авантюры с подменой лотерейных таблиц, многолетней эксплуатации шоу-рынка или переправки за границу чемодана долларов.

Он умел всё. Но лучше всего он владел искусством делать деньги. Из всего. Его недоброжелатели злословили, что он сможет сделать деньги и на собственных похоронах.

Судьба позволяла ему всё. Не позволяла одного – попадаться. Баловень рока, непревзойдённый мэтр афер Юлий Герцог более четверти века дерзко и изобретательно посягал на советско-партийную корпоративную монополию, распоряжаясь закромами Родины, как если бы это был его портмоне. Смело можно сказать, что он стал предтечей нынешних реформаторов, делящих государственную собственность, путём обращения её в личную.

В среде профессиональных мошенников Герцог был прозван «Кудесником».

Его жизненным кредо и девизом был лозунг апологета афер начала двадцатого века, американца Джозефа Уэйлса: «Я никогда не стану облапошивать честных людей. Только негодяев. Они, как правило, хотят получить *нечто* в обмен на *ничто*, а я даю им *ничто* в обмен на *нечто*...»

Герцог был отличным спортсменом. Среди аферистов прославился как бегун на длинные дистанции – за почти двадцать пять лет изощренных посягательств на государственную казну и даже кошельки собратьев по ремеслу он никогда не повторялся, безошибочно угадывая, где, как и у кого можно ненасильственно отобрать излишки. Денежные, разумеется...

Всю свою «творческую» жизнь Герцог неизменно подтверждал репутацию гроссмейстера афер, за которым следуют удача и деньги...

...В шестилетнем возрасте Юлик впервые стал свидетелем предательства. Его мать, певичка Одесского оперного театра, сбежала с ним от мужа в Питер к вскружившему ей голову режиссёру Мариинского театра Льву Герцогу.

Жизнь преподнесла Юлию первый урок лёгкости смены личины, на этот раз, – анкетных данных. Будучи урождённым Портным Юлием Аркадьевичем, по усыновлении он стал Герцогом Юлием Львовичем.

До обретения совершеннолетия таких уроков двуличия юный Герцог будет иметь предостаточно, а фальшь и лицемерие эпохи, в которой он формировался как личность, разовьют его природные способности к лицедейству и перевоплощению.

Быстрый ум, решительность, неиссякаемая энергия и целеустремленность помогут претворять в жизнь авантюрные прожекты, рождённые его богатым воображением, вытолкнут Юлия в лидеры беловоротничковой преступности.

Свою роль сыграют и напутствия отчима, неумоимо повторявшего отроку:

«Юлий, мне совершенно не важно, кем ты будешь: закрыщиком, скрипачом или пожарным. Главное, чтобы ты всегда был первым. Быть вторым – плохо!». Или: «Умный человек не может позволить себе роскошь быть честным».

С чужого предательства начался жизненный путь Герцога, чужим предательством и закончился. А между этими двумя знаковыми событиями будет более чем двадцатилетнее триумфальное выступление на ристалище афер.

Так будет продолжаться до тех пор, пока он не попадёт в поле зрения Комитета государственной безопасности СССР.

Учитывая масштабность противоправных деяний, совершённых Герцогом, а также тот факт, что он являлся связью иностранного дипломата, подозреваемого в принадлежности к американским спецслужбам, Юлий Львович станет объектом оперативной разработки органов госбезопасности.

Задержанный с соблюдением мер конспирации Герцог будет доставлен из Ленинграда в Лефортовскую тюрьму, где начнёт «косить» под сумасшедшего, представив справки из ленинградской психиатрической клиники, где он, якобы, регулярно проходил лечение по поводу приступообразно-прогредиентной шизофрении. Проверкой было установлено, что Юлий Львович действительно состоит на учёте в ленинградском районном психдиспансере по поводу указанного заболевания.

Однако ни заранее заготовленные (купленные) справки, ни десяток щедро проплаченных известных столичных адвокатов, защищавших его в ходе судебного разбирательства, Герцогу не помогли.

Я располагаю результатами тестирования этого беспутного гения. Исследование, которое было проведено комиссией психологов и психиатров Института судебной медицины им. В.П. Сербского.

Текст этот привожу полностью, ибо того стоит личность моего героя:

«Экстравертированная личность сангвинического темперамента. Обладает незаурядными умственными способностями с развитым логическим мышлением. Быстро схватывает и понимает новое. Образованный, эрудированный, начитанный.

Проявляет упорство в достижении цели. Эмоционально чувствителен, обладает богатым воображением и эстетическим вкусом. Склонен к тонкому восприятию мира, имеет образное, художественное мышление.

Исключительно доминантный и властный человек с ярко выраженными лидерскими наклонностями. Весёлый, жизнерадостный. Самоуверенный и самонадеянный. Эгоцентричный и капризный до эгоизма. Легко нарушает правила общественной морали и бравитурит этим. Своё поведение контролирует полностью, легко переключается на новые занятия. Стил действий характеризуется быстротой и энергичностью.

Склонен к лицедейству и перевоплощению. Умеет использовать актёрское мастерство во вред окружающим.

В аргументации убедителен, красноречив, способен навязать оппоненту свою точку зрения.

В поведении присутствует безусловная ориентация на успех, в выборе средств его достижения неразборчив и вероломен.

В момент совершения Герцогом противоправных деяний он находился в состоянии ремиссии (если, конечно, допустить, что он действительно страдал приступообразно-прогредиентной шизофренией), был вполне вменяем и целенаправленно рационален в выборе объектов своих посягательств, отдавая себе отчёт в совершении незаконных операций.»

...Я входил в оперативно-следственную группу и по роду обязанностей не только знакомился с материалами уголовного дела, но и принимал участие в допросах.

Группа следователей работала с Герцогом «на контрасте», то есть «злой – добрый» следователь. Если «злой» добивается правдивых показаний грубостью, угрозами и унижением подследственного, то «добрый», согласно сценарию, должен расположить к себе показным пониманием его участи, заботой и вниманием.

Через некоторое время мы отказались от этой тактики, так как стало ясно, что Герцог осведомлён о методах ведения следствия и скептически воспринимает наши артистические потуги.

Со временем Юлий Львович даже стал вызывать у меня уважение. Он был достойным противником и очень гордым человеком. Ни разу не попросил снисхождения. Ни разу не сломался. Уверен, что и он уважал нас – чекистов – как профессионалов.

В ходе многочисленных допросов и бесед без протокола я пришел к убеждению, что жульнический гений Герцога – кристаллизация духа времени, в котором ему довелось жить.

Суд назначил Герцогу высшую меру наказания – расстрел.

О том, что приговор приведен в исполнение, мне известно не понаслышке.

Однако по прошествии десяти лет после того, как дело было сдано в архив, я воочию убедился, что «житие» таких титанов, как Герцог, не подвластно вердикту земного суда, его не в силах остановить пуля палача, потому что он исчез из расстрельной камеры, доказав ещё раз, что лучше других владеет искусством побеждать...

Глава первая

«Покойники» колесят по России в скорых поездах

Друзья из Российского союза ветеранов силовых структур рекомендовали меня режиссёру-постановщику боевика о советских контрразведчиках в качестве специалиста по контрабанде. Съёмки проходили в портовых городах Причерноморья.

Я, недолго думая, сложил небогатый скарб в спортивную сумку и занял место в вагоне поезда Москв – Новороссийск.

Соседями по купе оказались двое высоких, спортивного вида мужчин, одного со мной возраста. Оба – восточной внешности, с усами и кокетливыми шкиперскими бородками. Дух взаимопонимания и согласия сквозил в каждой их реплике.

Взглянув на их чемоданы, я понял, что нам предстоит проделать весь путь вместе и поспешил представиться. Юрий и Руслан поочередно пожали мне руку.

По взгляду Руслана – быстрого и цепкому – я предположил, что имею дело с коллегой. Где только в наши дни ни встретишь бывших оперов МВД и КГБ...

Едва поезд отошел от перрона, в дверях купе появился человек в поношенных тренировочных штанах с «пузырями» на коленях и в застиранном балахоне:

– Мужики, у вас огонька не будет? Я сам не курю, а жена зажигалку потеряла...

Зажигалку подал Юрий.

– Простите, у вас соли не найдётся? – акцент, бесспорно, свидетельствовал о кавказском происхождении. Соли у нас не оказалось и незнакомец перешёл к жалобам на своих соседок по купе, «с которыми даже поговорить не о чем». Минуты через две Эдик – так невзначай представился «кавказец» – задал «случайный» вопрос, не найдётся ли у нас карт вместо соли.

Карт тоже не оказалось, и Эдик отправился их искать.

Вслед за его уходом между моими соседями произошёл короткий диалог, из которого я, владеющий терминологией картёжных шулеров, понял, что кинжальные визиты в наше купе – *пристрелка майданищиков* – профессиональных игроков в поездах, ищущих *лохов*, то есть владельцев крупных сумм, не подозревающих, что по завершении игры они станут нищими.

Мозг мне буравила мысль: «Мне лексикон шулеров известен от моего агента-катранщика – содержателя картёжного притона, – а вам, ребята, откуда?»

Теперь я уже по-иному стал оценивать взгляд-буравчик Руслана. Действительно, не одни же оперативники, но и мошенники имеют рентгеновскую установку вместо глаз.

Я отвернулся, делая вид, что увлечён законным пейзажем.

– Олег, – неожиданно произнёс Руслан, – вы, пожалуйста, не играйте в карты.

– ?!

– Сейчас эти двое вернутся... Мы с другом посоветовались и решили устроить им небольшой спектакль... А вы ни во что не вмешивайтесь, договорились?

– Вы тоже *катаете*? – невозмутимо спросил я в ответ на «благородное предложение» ни во что не вмешиваться.

Какое-то мгновение попутчики неотрывно смотрели на меня, наконец пылающие буравчики в глазах Руслана погасли и он, негромко рассмеявшись, ответил:

– Нет-нет, не беспокойтесь... Мы – любители... Я вот давно в руках *инструмент* – карты – не держал... Решил вспомнить былые времена... Азарт, знаете ли...

В глазах Руслана полыхнули лихорадочные искры. В студенческие годы я знал двух парней вот с таким же огнём в глазах, и знаю, что страсть к картам – пуше неволи.

Из психологии мне известно, что страсть к риску побеждает порой даже инстинкт самосохранения. «Рискуны по жизни» в буквальном смысле сделаны из другого, чем обычные люди, теста. У прирождённых любителей острых ощущений чувство опасности вызывает не страх, а эйфорию. Причём, чем выше ставки, тем больше кайф, вплоть до оргазма, как при совокуплении с женщиной.

– Валяйте, – согласился я. – А нас, случаем, не порешат тут же в поезде, если вы проиграете?

– Не должны... На худой конец... – Руслан не договорил, как раздался стук в дверь.

На пороге вырос атлетического сложения молодой кавказец в спортивном костюме. Руслан что-то произнёс на гортанном наречии. Из сказанного я уловил только имя парня: Аслан.

– Ну, вот... Мои люди из соседнего купе предупреждены...

Я искоса глянул на Юрия. Он отрешённо рассматривал свои ухоженные, с великолепным маникюром, руки. Моё внимание привлек золотой перстень-печатка на безымянном пальце его левой руки. Что-то знакомое почудилось мне в монограмме, обрамленной несколькими крупными бриллиантами.

Вернулся Эдик, и они втроём стали гонять в переводного дурака...

В дверь снова постучали. На пороге стоял человек, представившийся Анастасом. И хотя вошедший простодушно заметил, что он грек по национальности, но его акцент выдавал в нём кавказца. Ему понадобился перец.

Увидев, что сидящие играют в переводного дурака, он забыл о пряности, оживился и попросил разрешения присоединиться.

А вскоре рядом со мной усаживался и Алексей – тот самый, которому недавно для жены понадобилась зажигалка.

Я посмотрел на Руслана, он подмигнул в ответ, и мне стало ясно, что команда в сборе. Дождавшись, когда Юрий проиграет, Анастас наконец завладел колодой. Я, как и просил Руслан, самоустранился, сев в угол.

Я ожидал, что грек предложит *очко* или *буру*. Ошибся, поняв, что безвозвратно устарел. Анастас сказал, что в *шейх* его научили играть в Арабских Эмиратах.

Шейх, как стало ясно из его пояснений, напоминало *очко*. С той лишь разницей, что к сданным в начале игры двум картам ни одна больше не прибавлялась, а самой «дорогой» картой был король, он же, *шейх* – шестнадцать очков вместо обычных четырёх.

– А теперь посчитайте, у кого может быть больше всего очков? Правильно, Руслан, у того, кому достались два короля – это будет тридцать два очка! – засмеялся Анастас, ловко передвигая по столу извлечённых из колоды двух тузов, четырёх королей, одну даму и какую-то мелочь.

– Ну, если все понятно, давайте сыграем. На пиво. Кто выиграл, тот всем покупает по бутылке! – подытожил он и, раздав карты – всем по две, – отдал колоду Алексею.

Первый круг, второй, третий... Неожиданно Алексей назвал цифру «четыреста».

Юрий, посчитав свой набор карт слишком слабым, вышел из игры, как незадолго до того сделал Анастас.

Руслан поднял ставку до тысячи рублей. Игра пошла по крупному, и сидящие в купе принялись лихорадочно «искать» деньги.

Первым всполошился Алексей. Как бы между прочим заметив, что он моряк и едет в Новоросс вместе с женой, затем поднялся и вышел, пообещав «сейчас принести» деньги. Вернувшись через минуту, он положил в банк две тысячи рублей, сказал с сухим смешком:

– Жена, блин, сказала, что ты лучше, блин, проиграй деньги, чем пропей! И я, блин, согласился с нею!

Пришла очередь Эдика. Он вытащил из карманов около двухсот рублей, всё остальное решив «занять» у вышедшего из игры Анастаса. На стол легли ещё полторы тысячи рублей и сто долларов. Заём сопровождался всеобщими подсчётами суммы долга и обсуждением курса рубля к доллару.

Очередь была за Русланом. Он поднялся и в очередной раз подошёл к полке, на которой лежал его «дипломат», откуда он у всех на виду уже дважды доставал деньги. Вот и сейчас он невозмутимо приподнял крышку портфеля и, засунув обе руки в щель, захрустел бумагой, делая вид, что на ощупь отсчитывает купюры.

Команда шулеров оцепенела в ожидании. Все трое, открыв рты, покачивались в такт движению вагона.

«Тук-тук, тук-тук», – стучали на стыках колеса или сердца играющих? Напряжение нарастало.

Я внимательно следил за Русланом, иногда кося глаза в сторону Юрия.

Удивительное дело! Лица обоих, подвижные и темпераментные до игры, сейчас были каменно-непроницаемы. И если глаза Юрия были скрыты дымчатыми стеклами очков, то глаза Руслана ярко пылали азартом. И... не более! Ни дрожи в руках, ни одного суетливого движения. Всё размеренно и чинно. Потрясающая выдержка! Его спокойствие передалось мне.

«Стоп! Тебе-то чего беспокоиться?! – одёрнул я себя. – Если Руслан сел играть, заведомо зная, что напротив – *гонцики* (профессиональные картёжники), которые намерены его *обуть* (обыграть), то, значит, он уверен в своей *мульке* (уловке) на все сто!»

«Тук-тук, тук-тук», – стучали колеса на стыках или сердца у команды?

«Тук-тук, щас будет *стук* – вскрытие карт», – решил я про себя. Опять ошибся.

– Дружбаны, – Руслан обернулся к следившим за каждым его движением шулерам, – что-то я просчитался... Денег не нахожу...

– Как так? – изумление Анастаса было неподдельным.

– Да вот так... Могу ответить только двумя «штуками»...

По купе рассыпался нервный смешок. Трое *гонимых* переглянулись, не скрывая облегчения: *лох* при «бабках»!»

– Ну, ты – юморист, – с облегчением выдохнул Анастас.

– А что? И пошутить нельзя? Кто из вас *взойдёт* (увеличит ставку) – обратился Руслан к Алексею и Эдику.

Анастас на правах *разводящего* – старшего в игре – впившись взглядом в Руслана, процедил:

– Да ты ж пустой...

– А это на что? – и Руслан указал на перстень-печатку Юрия.

– Знатная вещь, – протянул Анастас, – почём?

– Три «тонны зелени», – ответил за друга Юрий.

Все впились в перстень. Наконец я рассмотрел монограмму. Две буквы – «Г» и «Ю» затайливо сплелись в одну фигуру.

Вновь возникло щемящее чувство, что я чего-то не могу никак припомнить...

Ерзавший на диване Алексей подхватился:

– Сейчас, сейчас я принесу, у жены ещё что-то есть! – бросился в коридор. Вернулся через десять секунд взъерошенный. – Вот последнее принес, ставлю всё! – бросил в банк перетянутую резинкой пачку долларов. – Здесь три тысячи! Теперь или всё, или ничего!

Подкрадывался финал. Руслан, вздыхая, жаловался, что его дают деньгами, однако позволил выйти из игры Эдику.

– А если у меня тридцать очков и у него тридцать – кто выиграл? – нервно спросил Алексей у Анастаса. Тот не успел ответить.

– Э-э, дружок... Вот ты зачем бегал! – Руслан из-под ног Алексея поднял две карты, перевернул их лицом вверх. На всеобщее обозрение предстали два короля – *шейха*...

– Ну! Ну я же выиграл... – чуть не плача, загундосил Алексей. – У меня же два *шейха*... Вот они на руках... Ну, скажи, Анастас... Колода же у меня, и я – банкир...

– Что ж, у меня тоже два *шейха*, – весомо произнес Руслан, показывая свои карты, – но я в отличие от тебя никуда не бегал... Так что деньги мои! Да и *инструмент* надо сосчитать...

– Ну, ты, деловой, в натуре, *кляuzu* развёл... Давай глянем на *рубашки*! – с вызовом процедил Анастас. Глянули. *Рубашки* у карт были одинаковые. Пересчитали карты – тридцать восемь вместо тридцати шести. Два лишних короля, то есть *шейха*...

– Кто принёс *инструмент*? – ринулся в атаку Руслан. Все разом обернулись к Эдику.

– А я, что? – засуетился тот, заискивающе глядя в глаза Анастасу. – Я ничего...

– Ты в следующий раз *мульки* получше заготавливай, трэф, – громко сказал Руслан, обращаясь к Анастасу, и пару раз стукнул в стену соседнего купе.

Тут же на пороге выросли два дюжих кавказца в милицейской форме. В одном я узнал Аслана.

– Волки позорные, – взвизгнул Алексей, – вы на кого *катаете*?!

В голосе звучало бессилие против оказавшегося находчивее противника, которого так ловко и беззаботно минутой раньше *раскатывали*!

Надо же, *пассажир* — жертва – сам оказался *мастак*ом – картёжным шулером! Да ещё и с какими *шанцами* – заготовленными уловками!

Меня занимала не ловкость рук мошенников: все десять карт, участвовавшие в игре, Анастас отобрал ещё во время объяснения, а перетасовать колоду перед сдачей просто «забыл».

Не удивляло и тонкое знание психологии, которое проявили *катали*.

Соль, перец, зажигалка – должны были создать впечатление, что просившие их – наши попутчики и едут в нашем вагоне.

Знакомы были и такие *заготовки*, как растянутые тренировочные штаны Алексея и его испитая рожа, постоянное осторожничанье Эдика, золотые зубы и уверенный тон Анастаса, которые соответствовали разыгранным ими ролям – *лоха*, *любителя* и *бывалого*.

Меня заботило другое: откуда у Руслана колода с точно такими же *рубашками* карт, как и у *катал*? Ясно, что из «дипломата». А туда как она умудрилась так ко времени угодить?

– Мы ещё встретимся, *мастак*! – прокричал, выходя из купе, Анастас.

– *Кочумай, баклан*! Будешь артачиться, я те быстро рога обломаю! *Забурился*, Вася, сам... Не я к тебе пришёл – ты ко мне!

– Я ещё вернусь! – были последние слова Анастаса.

– Приходи, милоч, с деньгами... В *стос*, *рамс*, *секку* сразимся... – и уже Аслану: – Из коридора ни на шаг... С подельниками могут вернуться... Деньги заberi!

Руслан сгрёб банкноты, подвинул их на край стола...

* * *

Как только за Асланом закрылась дверь, я поинтересовался, каким образом к Руслану попали карты с *рубашками*, идентичными *рубашкам* оппонентов.

– Я этих дилетантов *срисовал* ещё на перроне... Заметил, что они *пасут сазана*... Видел, как подошли к киоску, купили карты, но! Жадность сгубила фраеров... А может, в безопасности себя почувствовали, – купили только четыре колоды с разными *рубашками*. И я их взял. После. Вдруг да пригодятся... Пригодились!

Мастаки берут весь киоск. Правда, Юленька? – вконец распалившись, неожиданно брякнул Руслан. – Не ты ли всегда говоришь: «Я никогда не стану облапошивать честных людей. Только негодяев. Они хотят получить н е ч т о в обмен на н и ч т о, а я даю им ничто в обмен на н е ч т о»...

Юрий от неожиданного перехода вздрогнул, безотчётно поправил очки и отдельно произнёс:

– Не надо было тебе играть, Русик... Ты перевозбудился... Успокойся... – и медленно перевёл взгляд на меня. У меня от этого взгляда похолодело внизу живота. Я узнал его! Это был – Герцог собственной персоной, во плоти и кров...

Мгновенно взяв себя в руки, я беззаботно сказал:

– Ну, что, попутчики? Не перекусить ли нам? – и потянулся к стоящей под столом дорожной сумке.

Я еще минут пять молот всякую чепуху, чтобы показать, попутчикам, что я *ничего* не слышал. Ни упомянутого имени, ни жаргонных выражений, ни голоса самого Герцога. А то, что передо мной был именно он, – я уже не сомневался.

Но какими судьбами, Юлий Львович, вас же расстреляли, и я собственными глазами видел протокол о приведении приговора в исполнение?!

Глава вторая

Лотерейные таблицы

Впервые крупные деньги Юлий Герцог добыл в семнадцать лет, едва окончив среднюю школу.

Сегодня мало кто помнит, с каким энтузиазмом наш народ встретил первые хрущёвские лотереи. Люди с нетерпением ожидали известия о состоявшемся розыгрыше, – он про-

водился дважды в год, – чтобы через две недели сверить номера и серии своих, заранее купленных билетов, с теми, что указаны в таблицах тиража.

Трудящиеся – обладатели билетов – уже спозаранку толпились у этих «витрин социализма», лелея надежду на счастливый случай.

А вдруг! Выиграла же прошлый раз Мариванна из второго подъезда уютю, может, и мне сегодня что-то «обломится». Хорошо бы велосипед!

А если швейная машинка? Нет, её брать не буду – ставить некуда. Возьму деньгами. Вот если б автомашина – тогда конечно. Но только ведь не разыгрывают их стервецы из Совмина!

Предприятие, которое в мыслях выносил и тайно от всех реализовал Юлик, было сколь гениально просто, столь и эффективно.

Почти год Герцог готовился к нанесению «удара», что сделает его богатым.

Во-первых, он запасся десятком таблиц прошлогоднего тиража. Актуализировал их; подклеив шапку-заголовок с новыми реквизитами: годом, месяцем, числом и порядковым номером тиража текущего года.

Новый заголовок ему за бутылку водки отпечатал знакомый наборщик из районной типографии.

Во-вторых, Юлик научился водить мотороллер и получил права на вождение мототранспортных средств.

В-третьих, в гараже отчима шельмец собрал похищенные в городских скверах двадцать урн. Да-да, тех самых, из литого чугуна, о которых подрядный стихоплет сказал: *«Для того и расставлены по улицам урны, чтоб поддерживать в городе уровень культурный»*. Герцог же, не витийствуя, прозорливо назвал их *копилками*.

Выслушав объявление по радио, что «утром следующего дня весь советский народ может вновь убедиться в заботе Партии и правительства о повышении уровня благосостояния трудящихся, для чего надо лишь проверить приобретённые билеты денежно-вещевой лотереи», начинающий аферист оседлал взятый у соседа напрокат мотороллер и бросился «ставить силки», ибо опыт подсказывал Юлику, что завтра поутру в сберкассах будут вывешены таблицы с номерами выигравших билетов.

К одиннадцати вечера *капканы* были расставлены: все десять прошлогодних таблиц расклеены на досках объявлений у входа в сберкассы. Под ними – урны, чтобы незадачливые искатели халявного счастья, хлебнув горький глоток разочарования, знали, куда выбросить ставшие по воле Юлика бесполезными лотерейные билеты...

...В ту ночь Герцог спал беспокойно, вскрикивая во сне: то урны в грёзах превращались в атлантов и гонялись за ним, изрыгая из чрева водопады лотерейных билетов, в которых он неизменно тонул, то вдруг грезился некто в милицейской форме, успевший собрать урны за десять минут до его появления...

* * *

В течение дня Юлий без усталости курсировал между сберкассами, наблюдая, как строители коммунизма, чертыхаясь, швыряли в урны-копилки ставшие уже ненужными билеты.

Герцог отметил, что *принудительное пожертвование* проходило без эксцессов.

Никто не заламывал в отчаянии руки, не рыдал и не рвал на себе одежды. Проиграл, так проиграл. Иногда в толпе раздавалась фраза из словаря самоуспокоения: «Не играй, Иван Иванович, в азартные игры с государством, в дураках останешься!»

Наш юный комбинатор – не Иваниваныч. Он в одиночку рискнул сыграть против государства, посягнув на его монополию разыгрывать своих граждан, и преуспел.

Вечером того же дня шельмец, проехав по *лотерейному кольцу*, собрал и выпотрошил в кузов мотороллера все двадцать капканов. Улов составил более шести тысяч билетов, не считая заплеванных и прожженных окурками. Оставалось пройтись по ним горячим утюгом, – ведь многие анонимные доноры, выбрасывая билеты, нещадно их мяли, – и, не привлекая к себе внимания, сверившись с таблицей (настоящей!), получить в кассе причитающееся за изобретательность вознаграждение.

Лотерейной авантюрой Герцог, выражаясь языком правоведов, создал прецедент. Его отдельные детали, став достоянием людской молвы, и стократно разнесенные по свету, явятся хрестоматийным предостережением владельцам лотерейных билетов не доверяться первой встречной таблице, но сверять серии и номера своих билетов с таблицами в разных сберкассах. Чем черт не шутит, а вдруг опечатка!

Триумфальный трюк с *краплёными* таблицами принёс Юлику свыше сорока тысяч рублей – столько в те годы стоила «Волга» или *ЗиМ*.

Юлий Герцог, семнадцатилетний фарцовщик, одним махом заработал больше, чем за целый год, приторговывая жевательной резинкой и американскими сигаретами!

Признание придет позже, когда всесоюзный корпус воротил теневого бизнеса назовет его *Кудесником*.

И хотя с каждой новой авантюрой Герцог будет вовлекать в свою орбиту множество единомышленников, он так и останется *котом, который гуляет сам по себе*. А члены заново набираемой команды всегда будут для него лишь попутчиками на час.

Действительно, ведь профессиональный аферист – это артист. Талант. А талант всегда одинок.

В семнадцать лет наш герой дал себе слово заработать миллион. И преуспел. Чему в немалой степени способствовал внутриполитический климат страны, и те, кто его создавал...

Глава третья Продавец воздуха

Успех лотерейной «панамы» окрылил, убедил Юлия, что в жизни всегда есть место высокорентабельной афере. Теперь его жульническая харизма постоянно требовала практического воплощения, он непрестанно был в творческом поиске.

В начале 1960-х Хрущёв затеял разделение партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные – корпус ударников номенклатурного труда резко возрос, каждому сеньке требовалась своя шапка-пирожок из каракуля – руководящий стиль, с легкой головы Никиты Сергеевича, – и своя шикарная квартира.

В стране развернулось строительство элитных домов, чем не преминул воспользоваться Герцог.

Новая затея сулила немалый приход, но в отличие от предыдущей требовала от *генератора идей* совмещения в одном лице *лидера, эксперта и актера*. Всеми этими талантами Юлий обладал.

Свою рабочую нишу Герцог нашел в удовлетворении квартирного дефицита. И пусть он был не лучшим на ниве квартирных афер, но п е р в ы м.

Давно подмечено, что на большую дорогу нас выводят женщины. Зачастую те, кто много старше нас.

В коридоры властных структур Питера Герцог проник с помощью заместителя начальника канцелярии Ленсовета Эльвиры Школьник и помощницы начальника отдела по учёту и распределению жилья Ленгорисполкома Маргариты Прагер.

Обе – дамы бальзаковского возраста – не подозревали о существовании друг друга, а тем более о том, что, выполняя роль штатных любовниц юного жиголо, рассматриваются им лишь в качестве технического персонала по обслуживанию устроенной *охоты*.

Знакомство с окружением своих любовниц и натолкнуло Герцога на мысль раскрутить аферу с продажей квартир в двух многоэтажках, возведённых в элитном районе города.

Разумеется, к строительству и эксплуатации зданий юный комбинатор не имел ни малейшего отношения. Но знание потребностей светил ленинградской медицины, адвокатуры, директоров ювелирных магазинов, баз и крупных гастрономов улучшить свои и близких родственников жилищные условия принесло Юлию весьма крутую прибыль.

Сумма, вырученная им от *лотерейной панамы*, была карманными деньгами школьника по сравнению с тем, что удалось ему заработать на *продаже воздуха*.

Через два года после установления с Эльвирой и Маргаритой интимно-деловых отношений Герцог, студент-дипломант Ленинградского финансово-экономического института имени Н.А. Вознесенского, имел обширные связи в самых разных советских и государственных учреждениях города. Никому из высокопоставленных друзей не по годам представительного молодого человека и в голову не могло прийти, что он расценивает их лишь как легко доступную дичь.

Атлетического сложения, при росте 180 сантиметров, чуть более двадцати лет от роду, он был олицетворением молодого ленинградца-интеллигента. Наделённый природой чрезвычайно привлекательной внешностью и этакой мальчишеской чувственностью с намеком на некоторую бисексуальность, Герцог был одарён быстрым аналитическим умом. Тот факт, что никого из нового окружения Юлия не интересовал род его занятий, объяснялся не только его внешностью, но и светскими манерами, умением дорого и со вкусом одеваться, а главное, талантом очаровывать самых ловких и проницательных мужчин и женщин.

Непреодолимое личное обаяние, магическая сила воздействия Герцога срабатывали безотказно. Кошельки жертв раскрывались сами собой навстречу его красноречию...

...Молодой аферист обрабатывал клиентов не торопясь.

Выходил на них через свои связи из властных структур города, оказывал разные мелкие услуги, попутно *засвечивая* своих влиятельных друзей. Рассказам о его участии в попойках и посещениях саун вместе с высшими чинами области и города намеченная к отстрелу «дичь» верила охотно.

В ходе развития отношений Юлий *по старой дружбе* предлагал кандидатам на заключение содействие в получении квартиры в только что возведённой для ленинградского бомонда престижной многоэтажке.

С хорошо разыгранным сожалением сообщал, что для того, чтобы попасть в секретные списки жильцов «дворянского гнезда», необходимо дать *волкам* из Ленсовета взятку – от десяти до двадцати тысяч рублей. Сумма зависела от количества требуемых лохом квадратных метров.

Отменный психолог, Герцог понимал, что люди оценивают высоту, занимаемую тобой на иерархической лестнице, через восприятие непререкаемых атрибутов власти: на какой машине ты едешь, как одеваешься, как часто меняешь галстуки, в каком состоянии твоя обувь и т. д.

Особенности воздействия этих *декораций* на намеченные жертвы Герцог учёл и с успехом их использовал в грандиозном спектакле собственной постановки.

Накануне встречи с кандидатом в новосёлы, происходившей, как правило, в будний день, Герцог заказывал в Ленинградском Дворце бракосочетаний чёрную «Чайку».

С прибывшей по указанному им адресу машины он на глазах недоумевающего водителя, а зачастую и с его помощью, снимал все ритуальные прибабасы: ленточки, цветы, кукол мужского и женского облика на радиаторе.

– Молодожёны приболели, – объявлял он водителю, – но свадьба состоится. Держи, любезный, *стольник*. Потом выпьешь за здоровье новобрачных, а мы сейчас с тобой часок-другой покатаемся.

После таких щедрых чаевых шофер становился покладистым и спрашивать какая-то такая «свадьба состоится» уже не решался, – безропотно крутил баранку в указанном направлении.

В назначенное время Герцог на «Чайке» с ленсоветовскими номерами подкатывал к месту встречи с клиентом. Брал его на борт, картинно распахнув лакированные двери лимузина.

Исподволь наблюдал за произведённым впечатлением.

Небрежно бросал водителю:

– Кузьмич, в Ленсовет!

Наклонившись к уху оторопевшей жертвы, коротко пояснял:

– Едем за распоряжением...

Вернувшись в машину после посещения Ленсовета, шельмец по-прежнему односложно отдавал команду шофёру:

– В исполком!

Клиенту же по секрету шептал:

– Едем за смотровым ордером.

Хотя заверенный печатью ордер уже лежал в его портфеле. Ими его бесперебойно снабжала любовница из Ленгорисполкома. В этом и состояло её основное предназначение.

Забрав паспорт у оставшегося в лимузине клиента, Герцог исчезал в парадном подъезде. Наскоро заполнив формуляр, возвращался сияющий:

– Всё в порядке! Едем смотреть ваше гнездышко...

Спектакль, разыгрываемый Юлием с неизменным успехом, призван был не только оказать психологическое воздействие на новосёла и, сделав покладистым, заставить не мелочиться при расчёте, но и, что важнее, – еще раз утвердиться в собственных глазах.

Надуть человека, обвести вокруг пальца – было для Герцога высшим наслаждением. Надувательство привлекало его не только тем, что приносило ощутимые доходы, оно давало ни с чем не сравнимое чувство превосходства над жертвой.

Любитель охоты поймет, что я имею в виду...

Последний раунд проходил в здании-новостройке и заканчивался *нокаут*ом клиента – великолепие планировки способно было оживить даже пребывающее в коматозном состоянии воображение.

Ошарашенный претендент на «уголок» в логове номенклатурных зубров расписывался в смотровом ордере. И только после этого Герцог соглашался передать взятку для «волков» из Ленсовета.

Причём артистичная натура Юлия требовала обставить это весьма картинно.

– Деньги завезёте ко мне в Ленсовет, – говорил он размякшей от впечатления жертве.

И действительно, в назначенное время он весомо выплывал из парадного подъезда Дома Советов. Забирал увесистый пакет с деньгами, иногда это был целый сверток, диктовал номер телефона отдела по учёту и распределению жилья в Ленгорисполкоме, просил держать на контроле сдачу дома в эксплуатацию и стремительно исчезал. Навсегда.

* * *

Блиц-афера по распродаже элитарных квартир была проведена Герцогом с размахом. Юному комбинатору потребовалось около месяца, чтобы *облагодетельствовать* более тридцати ленинградских крезов.

С помощью своих любовниц Эли Школьник и Риты Прагер Юлий стал богаче почти на пятьсот тысяч рублей (цены середины 1960-х годов), впервые осознав, что работать на себя – тем более прибыльно, если на тебя одновременно работает кто-нибудь ещё.

Он торжествовал, он чувствовал себя фаворитом рока. Лозунг легендарного афериста XX века Джозефа Уэйлса: *«Я никогда не буду облапошивать честных людей. Только него-дзяев. Они хотят, как правило, получить нечто в обмен на ничто, а я даю им ничто в обмен на нечто»*, – отныне станет девизом Герцога. Девизом-покаянием.

Мошенническая операция с лотерейными таблицами была невинным детским утренником по сравнению с аферой по продаже квартир – деньги водопадом обрушились на Юлия. Но, как это ни покажется странным, их количество не заставило его сердце биться учащённо, от сумм не пересыхало во рту.

Не боялся Герцог и потерять их. Боялся лишь однообразия и скуки. Он уже не мог остановиться, душа требовала всё новых и новых авантюр. Утолять безудержную страсть к острым ощущениям, и он это понял – вот смысл его жизни.

Несмотря на то, что цель, ради которой он шёл на риск, – деньги – была для него второстепенной, к сорока годам Герцог нажил состояние, которое, по сегодняшним меркам, исчислялось бы сотнями миллионов рублей.

Юлий Герцог нашёл способ ненасильственно освобождать от наличности кошельки вождов элитарной халявы.

Конечно, всё зависит от точки зрения. От того пресловутого угла преломления, под которым человек смотрит на мир с высоты своего узкопрофессионального интереса.

Для врача, например, весь мир делится на больных и умерших. Юлий Герцог, профессиональный аферист, делил всё человечество на *деловых* и *лохов*, и был непоколебим во мнении, что горстка таких, как он, *деловых*, живёт за счёт множества *лохов* в полном соответствии с законом природы: *«Бараны для того и существуют, чтобы их стригли»*.

Юлий Герцог, молодой и цинично мыслящий человек, выманивал деньги у людей, которые официально такими суммами располагать не могли, поэтому он исключал всякую возможность их обращения в милицию или прокуратуру. Ему, далёкому от мысли о всякого рода насилии, кроме интеллектуального, и в голову не могло прийти, что кто-то может силой возвращать несправедливо нажитые деньги...

Глава четвертая

Время жить и время умирать

Герцог проснулся с ощущением горячего прилива жизни. Чёрт возьми, какая лёгкость во всём теле!

Он выпрыгнул из простыней на ковер, и ноги сами притопнули в такт внутреннему маршу. Это же – счастье, полная жизнь. Вот уже неделю он был миллионером. Да-да, миллионером! Чёрт с ним, что на *продаже воздуха* – квартир в элитарном доме – удалось выручить только около пятисот тысяч рублей. Хрущёвская деноминация имела всего лишь двухлетний стаж и поэтому народ, привыкший к дореформенным деньгам, все ценники мысленно умножал на десять. Впечатляло. Так что, пятьсот тысяч – это пять миллионов по старому. Неужели не миллионер?!

Он отворил дверь в ванную комнату – по изразцам полоснул лучь утреннего солнца. Повернул никелированные краны, горячая вода зашумела в белую ванну, поднимая облака пара.

Юлий закрыл воду и, вздрагивая от звериного наслаждения, лёг в ванну. Он длил наслаждение, поворачиваясь с боку на бок.

Нет, будущее – лучезарно! За будущее он спокоен. И мысли его перенеслись к той женщине, которая вот уже два года формально являлась его любовницей, а фактически всё это время неосознанно помогала Герцогу лепить из фантазий новую реальность, чарующе хрустящую крупными купюрами...

В свои двадцать лет Юлий был достаточно зрел и отдавал себе отчёт, какие перспективы сулит наличие связей в советских властных и околowlастных структурах.

Поэтому когда два года назад его отчим, режиссёр Мариинского театра, дряхлеющий Лев Герцог, принёс пригласительный билет на новогодний бал, устраиваемый администрацией Ленсовета для своих сотрудников, Юлий в кусочке картона усмотрел знак судьбы. Разумеется, собственно бал его не интересовал. Привлекала возможность установить перспективные знакомства.

Особую роль в процессе вхождения в среду *слуг народа* Герцог отводил женщинам. На собственном опыте он убедился, что кратчайший путь к достижению цели пролегает через сердце женщины, которую ты сумел влюбить в себя. И дорога тем короче, чем большими возможностями располагает твоя избранница.

Хотя юный авантюрист уже уверовал в собственную магическую силу воздействия на окружающих, иллюзий насчёт моментального обольщения номенклатурной принцессы он не питал. Можно начать и с малого, – с фрейлины, которая в будущем станет перекидным мостиком к возжеленной вершине.

Фрейлину Юлий нашел в лице заместителя начальника канцелярии Ленсовета Эльвиры Школьник.

Деспот по натуре, Герцог с первой минуты атаковал форпосты объекта своих возжелений по всему фронту. Арсенал его штурмовых средств был неисчерпаем: и глубокое знание классической литературы, и остроумный, всегда к месту рассказанный анекдот, и лесть, и великосветские жесты, заканчивающиеся щедрыми подарками, и показная уступчивость в мелочах, и цветы, цветы, цветы.

Для Эльвиры не было сделано исключения.

Первое свидание они провели в ресторане «Садко».

При входе Эльвира обратила внимание на живописную троицу: огромного роста чучела медведей – медведь-отец, медведица-мать и их сынишка, метровой высоты медвежонок.

В свои тридцать пять лет Школьник, хотя и была неоднократно замужем, но детей не имела. Возможно, этим можно объяснить ее искреннее умиление при виде медвежонка.

Явился случай проявить Герцогу свою изобретательность и широту натуры.

Когда они уселись в вызванный швейцаром такси, Эльвира обнаружила на заднем сидении рядом с собой огромный бумажный сверток.

– Что это?

– Дома узнаешь, – произнёс Юлий таким тоном, будто вопрос о ночном визите к спутнице уже был решён.

Женщина проживала в отдельной квартире у Обводного канала. Перешагнув порог, Герцог сдёрнул бумагу, и Эльвира, забыв о своих возражениях принять «незнакомому мужчине ночью в своём доме», запрыгала, как ребёнок, хлопая в ладоши: перед ней стоял тот самый медвежонок!

Через мгновение она с укором сказала:

– Но ты ведь разлучил семью!

Герцог парировал тотчас:

– Вы, женщины, – непредсказуемы. У моей знакомой тети Юзи сын тонул в реке. Работяга, возвращавшийся после ночной смены, его спас, откачал, принёс домой. Тетя Юзя записала адрес, обещала отблагодарить, а через десять минут прибежала к работяге домой с упреком: «Сына вы спасли, – это хорошо! А где его купальная шапочка?!»

...Вспомнив этот эпизод, Герцог улыбнулся своему отражению в зеркале и положил бритву на стеклянную доску на туалете. Тыльной стороной ладони провел по щекам, проверяя качество бритья: не появится ли щетина к вечеру, к сегодняшнему свиданию с Эльвирой.

То, что оно будет первым куплетом в прощальной арии, Юлий уже знал твёрдо. Но уйти просто так, не оставив о себе щемящих воспоминаний, было не в его правилах.

«Впрочем, – с грустью подумал Герцог, – на первое время моё отсутствие скрасит медвежонок, которого ты, Эленька, установила рядом со своей кроватью...»

* * *

В шесть часов вечера Герцог привычно подкатил к зданию Ленсовета.

За последний месяц он много раз появлялся там в разных ипостасях и на разных автомобилях: как чиновник – в салоне «Чайки», – чтобы охмурить простаков и выманить у них деньги; как пылкий любовник – за рулём «Волги», – чтобы забрать возлюбленную и умчать на фестиваль неги и развлечений. Эльвира охотно пользовалась плодами жульнических операций Юлика, даже не подозревая, что оказывает ему пассивную помощь в его далеко небезобидных проделках: «Ну, подумаешь, познакомила с кем-то! Ну, подумаешь, сделала ему визитные карточки с ленсоветовской геральдикой!»

Однажды, когда Герцог произнёс при ней свой излюбленный девиз: «*Я никогда не стану облапошивать честных людей. Только негодяев*»... Эльвира окончательно успокоилась и более сомнениями о происхождении денег в карманах возлюбленного не терзалась...

Как частное лицо Юлий не въезжал на площадку для служебного автотранспорта, а ставил машину прямо перед запрещающим знаком. Сегодня традиционное место встреч с Эльвирой было занято. Пришлось ставить «Волгу» позади фиолетовой «Победы».

Слегка раздосадованный вторжением на *свою территорию*, Юлий не обратил внимания на стоявших рядом с «Победой» четверых рослых парней.

Кроме того, на ступеньках здания стали появляться группы ленсоветовских служащих – конец рабочего дня.

Мелькнула ярко-красная блузка Эльвиры. Глазами она искала знакомую «Волгу», но из-за впереди стоявшей *фиолетницы* её не было видно.

Герцог приоткрыл дверь и, встав с сидения, высунулся из салона, призывно помахал рукой:

– Эля, Эля-а!

Четверо разом обернулись на крик, раздался возглас:

– Да вот же он!

Юлий стрельнул глазами и... Конечно, он узнал Рыжего. В трёх метрах от Герцога стоял последний покупатель квартиры, директор валютного бара, которого удалось «кинуть» аж на двадцать пять «штук»! Такие лица не забываются и через десять лет.

«Влип!» – Юлий до отказа выжал сцепление, мотор взревел, машина задом рванула прочь, едва Эльвира наполовину оказалась в салоне.

– Юлий, ты же мне ноги поломаешь!

Герцог закутил руль, и «Волга», беспрерывно сигналив, рванулась вперёд.

– Юлий, ты с ума сошёл... Здесь же люди!

Но машина уже неслась по проспекту Майорова в направлении Обводного канала. В зеркало заднего обзора Герцог поймал мчавшуюся сзади «Победу».

Фиолетовых больше, их машина перегружена, да и мотор у меня мощнее. Уйду!» – решил он.

– Юлий, объясни, что происходит, объясни сейчас же!

– Эля, помолчи! Я всё объясню позже... – и уже совсем примирительным тоном добавил, – дай сосредоточиться на дороге.

На самом деле ему надо было обдумать ситуацию и немедленно принять единственно правильное решение.

«Ждали, гады. Рассчитывали встретить по окончании рабочего дня. Ну-да, я же для них – служащий Ленсовета. Сколько же дней они сюда приезжают? Впрочем, это уже не важно. Меня теперь к Ленсовету и под дулом автомата не заставишь прийти...»

«Победа» начала отставать.

«Чёрт, они «срисовали» номер «Волги»... Ну и что? Найдут через ГАИ владельца, а владелец-то, Гарик Гурфинкель, недосыгаем, он сейчас, поди, где-нибудь в Атлантике на своем танкере болтается... Если они пойдут этим путем, им меня не достать! Гарик будет в Союзе лишь через полгода... Да, но его адрес ведь тоже узнают, а там живу сейчас я... Не годится! Надо съезжать оттуда. Куда? Домой!

Самое скверное, что они видели Эльку. Её найти нетрудно... Надо бы ей свалить недели на две в отпуск... А что? Махнём в Сочи... Самое время, бархатный сезон... Элька может и не работать в Ленсовете, ну, зашла туда... Через неё – верный выход на меня, хотя за два года знакомства дома она у меня не бывала, номера телефона не знает, так как звонит по телефону Гарика... Да, но фамилия! Чёрт, дались мне эти визитки! Нет, недели на две надо свалить... И обязательно вдвоём!

То, что они ищут меня самостоятельно, а не через милицию, говорит о том, что я не ошибся и *кинул* людей, у которых рыльце по самые уши в пушку! Хотя неизвестно, что лучше: милиция или *фиолетовые*. Милиция действует по правилам, которые хоть как-то предсказуемы, а эти? Чёрт знает, что им в голову взбрёт!»

Разумеется, Герцог ничего не объяснил любовнице, сказал лишь, что задолжал Рыжему крупную сумму, и не может отдать. Эльвира с удивлением заметила, что видела, как Юлий в ресторане извлёк из кармана пачку сторублёвок в банковской упаковке. «Это были не мои», – был ответ.

... Уехать в Сочи не удалось – Эльвиру не отпустило начальство, да и сама она не очень настаивала.

Через два дня прямо в гараже сгорела «Волга». Круг сужался. Герцог понимал, что следующей атаке может подвергнуться Эльвира. Не знал, какой мощности будет она. Тем не менее бросился за помощью к бывшим друзьям-фарцовщикам и... опоздал.

* * *

В квартиру проникли глубокой ночью.

Эльвира, проснувшись от шума в прихожей, попыталась зажечь ночник, но кто-то большой и тяжёлый подмял ее, зажал рот. Женщина с силой рванулась. Тогда другой схватил её липкими руками за ноги. Вспыхнула люстра. Перед Эльвирой стояли трое запыхавшихся верзил. У Рыжего, как резиновое, ходило ходуном изрытое оспой лицо.

Из темноты другой комнаты появился четвёртый.

– Там никого...

Рыжий расщепил рот-щелочку.

– Где хахель?

Эльвира поправляя разорванную ночную рубашку, беззвучно заплакала.

– Где хахель? – повторил Рыжий и, качнувшись, точно падая, ударил женщину в лицо, но она втянула голову и удар пришёлся в лоб.

– Это ей что? – прошипел черноволосый со шрамом через всю щеку. – Пытать её!

Эльвира подняла глаза на Рыжего, чувствуя, что он главный.

– Я не знаю, где он, – облизывая окровавленную нижнюю губу, едва слышно ответила она.

– Врёт паскуда, знает, – Чёрный сделал шаг вперед к кровати и нанёс удар снизу в челюсть. Кровь полилась из рта ручьем. Обезображенное болью лицо стало восковым, но в глазах блеснули ненависть и упрямство, более жгучие, чем страх пыток, высушили её горло, – в ответ она только проворчала что-то невнятное...

– Что-о?! – заорал Рыжий. – Ты что бормочешь, стерва?

– Ненавижу, – сквозь кровавые пузыри из рта не произнесла – выдохнула женщина.

Тогда Рыжий бросился на неё, запустил большие пальцы в рот, рвал ей губы, вертя голову. Остальные начали пинать ногами обмякшее тело.

Через какой-то миг нападавшие разом отвалились.

Женщина, подрагивая, лежала навзничь на кровати. Из ноздрей, из угла разорванного рта ползла густая тёмная кровь. Сорочка превратилась в лохмотья, на вздувшемся животе – огромные чёрные пятна. Она потеряла сознание.

– Воды! – скомандовал Рыжий.

Кто-то схватил огромную вазу с цветами, опрокинул содержимое на лицо Эльвире.

Она застонала. Медленно очнулась. Глаза, сначала бессмысленные, налились ужасом. Мокрое лицо её сморщилось от безмолвного плача. Она попыталась приподняться на одной руке, в ладонь впились шипы выпавших из вазы роз...

Неожиданно для наблюдавших за ней налетчиков Эльвира вскочила на ноги, – последний проблеск жизненной, но уже обречённой, энергии, – опрокинула двоих, оттолкнула третьего, и, схватив медвежонка, стоявшего у изголовья кровати, выбросилась в обнимку с ним с пятого этажа.

* * *

На следующее утро Герцог, приехав на такси к дому Эльвиры и войдя в подъезд, столкнулся с двумя милиционерами, выносившими труп его любовницы. Простынь, прикрывавшая лицо, съехала набок от тряски, и Юлий увидел обезображенное, некогда любимое лицо своей, теперь уже в прошлом своей, – женщины.

Герцог понял, что *счётчик включен* и до развязки, возможно, остаются часы, ну, может, сутки...

Глава пятая

Как вас теперь называть?

Предвидя визит преследователей в дом отчима, Юлий перед отъездом из Ленинграда изъясил из семейного архива все свои фотографии и свидетельство о рождении.

На следующий же день после прилёта в Одессу Юлий с головой окунулся в кампанию по приобретению новых анкетных данных. Инстинкт самосохранения подсказывал ему, что надо отстраниться от ставшей опасной фамилии *Герцог*. Вместе с тем звучность и значи-

мость, скрытые в ней, были настолько притягательны как для владельца, так и окружающих, что Юлию не хотелось навсегда расставаться с *герцогством*.

И он нашёл выход, подав заявление в УВД города об утрате паспорта. Ему выдали новый. Теперь у него на руках имелось два паспорта, из обоих гордо глядел разновозрастный, но всё тот же Герцог Юлий Львович.

Второй шаг на пути модификации анкетных данных Юлий сделал, когда, улучив удобный момент, он с неподдельной искренностью признался отцу, что хочет вновь обрести его фамилию и отчество.

Старый закройщик был, безусловно, польщён и всё-таки с иронией спросил: «Не трудно ли будет из герцога вновь становиться портным?»

Снова Юлий подал заявление в УВД города. Теперь уже с просьбой сменить фамилию и отчество. Мотивировал это желанием воссоединиться с кровным родителем. Препятствий не возникло, так как, согласно метрике, Юлий до усыновления был Портной Юлий Аркадьевич.

Теперь Юлий вновь имел два паспорта, но из одного по-прежнему выглядывал *Герцог*, а из другого уже *Портной*.

Наш герой пошёл дальше. В новом паспорте он аккуратненько исправил букву «л» на «р» и стал уже «Юрием».

Трамплин для затяжного прыжка – трансформации фамилий – был создан. И началось...

На удивление отцу Юлий вдруг из монаха-затворника превратился в завсегдатя одесского Дома офицеров, прозванного в народе «ЦНХ» – центральное невестохранилище.

Знакомился с какой-нибудь тридцатилетней провинциалкой, приехавшей в Одессу на заработки и в поисках суженого.

Отсутствие постоянной одесской прописки у избранницы имело для плана Герцога принципиальное значение: заключение брака по месту жительства невесты и предполагаемые смена фамилии и паспорта в разных населённых пунктах области не скоро привлекут внимание центрального аппарата одесского управления внутренних дел.

Два-три дежурных свидания – и Юлий, нет! – Юрий Портной – делал своей избраннице то самое, заветное, предложение, ради которого она неутомимо посещала Дом офицеров.

Всякая засидевшаяся в девках тридцатилетка чувствовала себя Золушкой, встретившей прекрасного Принца, поэтому предложение принималось незамедлительно и без всяких предварительных с её стороны условий. Условие было у Герцога: он хотел взять фамилию будущей жены. Ну кто откажет ему, писаному красавцу, в таком невинном желании?!

Сразу же после получения паспорта с новой фамилией Герцог складывал с себя всякие мужнины обязанности, а попросту – исчезал.

Пустившись в матримониальное плавание под фамилией Портной, Юлий уже через год был одновременно и Козленко, и Бондаренко, и Пономаренко, и Тарасюк, и Перебейнос. Так далеко его завёл страх быть обнаруженным Рыжим...

Кроме того, твердо встав на жульническую стезю, Герцог считал, что ни один из свадебной коллекции паспорт не окажется лишним.

Повороты судьбы подтверждают его предусмотрительность.

Паспорта с новыми фамилиями были в двух экземплярах: со штампом регистрации брака и без него. Как? А так! Получив паспорт с фамилией очередной жены, Герцог неизменно *терял* его, а во вновь выдаваемый, взамен утраченного, отметку о браке делать не спешил.

С одесским военкоматом проблем не было (он туда даже не являлся), так как за умеренную плату был поставлен на учёт в психоневрологическом диспансере Ленинграда по поводу арахноидита – заболевания, абсолютно безообидного для окружающих гражданских

лиц, но не для военнослужащих. Поэтому Юлий был признан негодным к прохождению воинской службы в мирное и в военное время, что удостоверяла запись в воинском билете лейтенанта запаса Герцога Ю.Л.

...Процессу *омноголичивания* был положен конец после того, как трижды Герцог делал предложение девицам, которые сами стремились во что бы то ни стало сменить доставшуюся от папашки фамилию.

Может ли рассчитывать аферист, коим и являлся Герцог, на достойный приём в уважаемом обществе, имея фамилию Пиндюра? А Простиперденко? Ну а Пидрило?

Фамилии, которые если не отпугнут потенциальных клиентов, то вызовут у них скабрезные ассоциации и подозрения в сексуальных перверсиях владельца.

Выждав время, Герцог предпринял ещё одну, как оказалось, – последнюю попытку приобрести дополнительный *рабочий псевдоним*.

Месяц он ухаживал за обрусевшей югославкой, кичившейся княжеским происхождением, как вдруг выяснил, что её девичья фамилия Задроченна-Навзнич...

Мысленно склоняя и фамилию, и избранницу, Юлий ретировался.

Глава шестая Ищущий да обрящет

По прибытии в Одессу Герцог в поисках практического применения своим дарованиям комбинатора, настоячиво искал контакта с деловыми людьми города.

Одесса в то время была самым большим южным портом Советского Союза, который пропускал через себя сотни и сотни судов, десятки тысяч иностранных и советских моряков.

Без преувеличения можно сказать, что город находился на иждивении порта, а население делилось на две части. Предпринимателей: моряков, портовых служащих, проституток и фарцовщиков. Потребителей: работников торговли, прежде всего, комиссионных магазинов, обслуживающего персонала гостиниц и ресторанов, медперсонала вендиспансеров и, разумеется, местных милицейских чинов.

Приобретенный в юношеские годы на ниве фарцовки опыт подсказывал Юлию, что стать членом закрытого клуба деловых людей можно с помощью *буревестников* частного предпринимательства – одесских фарцовщиков.

Посещая традиционные места их тусовок – рестораны при гостиницах, где останавливались иностранные моряки, – Герцог тренированным глазом знатока выделил одного *делового*, пользовавшегося непререкаемым авторитетом.

Однажды, когда Юлий в очередной раз забрел в ресторан гостиницы «Интурист» и расположился в дальнем углу зала, к нему за столик подсели два юнца в потёртых джинсах.

– Так и що? Дядя ищет приключений на свою «женю»? – «карасик» в джинсах демонстративно вызываяще переложил выкидной нож-стилет из одного кармана рубахи-распи-сухи в другой.

Пропустив вопрос мимо ушей, Герцог лениво оглядел соседние столы. Так и есть. *Деловой* сидел неподалеку. Их глаза встретились.

– Ша! Слушайте сюда, поцы. То що ви сегодня только завтракаете я успел уже вчера переварить в своем кишечнике и теперь этим дреком хезаю на таких цудрейтеров, как ви... – назидательно процедил Юлий на чистейшем одесском диалекте.

Монументальная невозмутимость Герцога обескуражила юнцов.

Выдержав паузу, Юлий достал из «дипломата» золотой «паркер» и на своей лансове-товской визитной карточке начертил несколько цифр. Подняв голову, он опять встретился глазами с *Деловым*. Взгляд последнего выражал заинтересованность и любопытство.

– Идите, мне с вами всё понятно... Идите и передайте, что я жду его звонка, – с этими словами Герцог вынул из кармана пиджака пачку сторублёвок, надорвал банковскую упаковку, и, положив пару банкнот рядом с визитной карточкой, поднялся из-за стола.

Надо сказать, что в те времена «дипломат», золотой «паркер» и визитные карточки свидетельствовали о принадлежности их владельца к миру советских иерархов, что было весьма привлекательно своей недостижимостью для сидевших напротив Герцога фарцовщиков. Юлий об этом знал.

– А если... – начал было один из них, но Юлий не дал ему закончить:

– Ну, а если и после этого останутся тараканы, – говорил дядя Мендель, глядя на свой дгорающий дом, – то не знаю, что и делать...

Через некоторое время Бруно – так звали *Делового* – и Юлий подружатся. Швондер признает верховенство Герцога и добровольно будет исполнять партию *ведомого*. Они как бы заключат безмолвное соглашение: Герцог – генератор идей, а его новый знакомый Швондер – исполнитель, эксперт и проводник в лабиринтах одесского дна.

Через некоторое время *одесский соратник* устроил Юлия на работу в местную таможенную контролером. Сам же Бруно продолжил работать диспетчером в морском порту. Осведомленный по роду службы о графике захода в одесский порт наиболее привлекательных с точки зрения деловых контактов – купли-продажи – иностранных судов, он извещал об этом Герцога. Последний с учётом полученной информации корректировал расписание своих дежурств.

Выявив в ходе таможенного контроля на судне присутствие в команде лиц, имеющих и готовых сдать товар, Юлий, хорошо владевший английским языком, знакомился с ними, договаривался о покупке, а затем передавал их подручным Бруно – фарцовщикам.

В месяц каждый имел до двух тысяч рублей.

– Стабильно, но мелко, – сетовал Герцог.

– Зато никаких конфликтов с Уголовным кодексом, – отвечал поделщик.

Однако Юлий, прошедший горнило квартирной и лотерейной афер, считал ниже собственного достоинства зарабатывать понемногу тут и там.

Человек тех же взглядов, что и незабвенный герой романа Ильфа и Петрова, Юлий жаждал крупных сделок и масштабных оборотов, а главное, – щекочащего нервы риска и азарта.

Однако, в отличие от Остапа Бендера, Герцог к Уголовному кодексу почтения не испытывал, как, впрочем, и к монопольному праву государства устанавливать для своих граждан дозированное распределение денежных знаков *на круг*.

Система уравниловки никак не устраивала твердо ставшего на жульнический путь начинающего афериста, который своими удачными комбинациями подтверждал, что может иметь тысячекратно больше, чем дарованные государством *сто двадцать рэ в месяц*, по принципу *всем – поровну*.

Несколько месяцев спустя Юлий встретил человека, вернувшегося с колымских золотых приисков, где тот проработал пять лет старателем.

На вопрос Герцога: «как там работается» человек ответил не раздумывая: «Знаешь, парень, и здесь дрек, и там говно. Хорошо только в отпуске. Но если надумаешь ехать туда, вот тебе телефон вербовщика. Его контора в Киеве. Имей в виду, оформление документов длится не менее полугода. А золота там хватит на всех, езжай»...

Юлий поделился намерением с Бруно, но тот отверг идею с порога: «Я и здесь не голодаю!»

Герцог всё-таки слетал в Киев и оставил анкету и заявление: «Чем чёрт не шутит, когда Бог спит!»

Глава седьмая

Двое в автобусе, не считая собаки

Как-то вечером Бруно и Юлий, мучаясь бездельем, лениво перебрасывались в бору.

Неожиданно Герцог спросил:

– Бруно, есть возможность взять напрокат служебную овчарку?

Швондер, достаточно изучивший лабиринты воображения подельника, насторожился: «Грядёт новая афера!»

Однако, не подавая вида, кротко заметил:

– Собака – это не проблема... Надо – добудем чемпиона Одессы и окрестностей... А в чём, собственно, дело?

– Знаешь, – как бы прислушиваясь к ходу внутренних часов, ответил Герцог, – есть одна идея...

Бруно в ожидании, когда приятель созреет до откровения, размеренно тасовал колоду. Подумал: «Недаром у меня второй день чешется ладонь левой руки – к деньгам!»

Не выдержав напряжения паузы, слукавил:

– Ну-ну, собака найдет нам клад...

– Клад, – назидательно произнес Юлий, – это для импотентов, лишённых воображения, обречённых ждать милости от судьбы или от лотереи... Мы ведь с тобой – не из этой породы, а, Бруно? – Герцог так глянул на партнёра, – будто ушат родниковой воды на него вылил. – Как говорится: «Проснитесь, Абрам Соломонович, вы обосрались...»

– Так я и не сплю, – подхватил шутку Бруно.

– Тем более... – произнёс Юлий и, снисходительно посмотрев на подельника, спросил:

– Бруно, сколько теплоходов в год отправляет за границу *Софья Власьевна* – советская власть – через Одессу?

– Двенадцать... Каждый месяц по одному...

Бруно можно верить. Он диспетчер, знает всё.

– А по «Спутнику» – по линии международного молодежного туризма – сколько?

– По «Спутнику» – четыре-пять... А что?

– Да я тут подсчитал... Получается, тысяча комсомольцев с нашими деньгами ежегодно уезжают *за бугор*...

– С нашими? – Бруно насторожился, предчувствуя откровение партнёра.

– Ну, пока не с нашими... С государственными, мы ведь их не печатаем... Короче, я тут прикинул и решил положить конец этому комсомольскому контрабандному беспределу... Почему советская валюта – *стольники, полтинники*, наконец, *чирики*, – оседает в швейцарских банках, а не в наших с тобой карманах?!

Герцог впери́л взгляд в собеседника, вынуждая его на ответный ход. Бруно, не понимая, куда клонит подельник, заёрзал в кресле.

– А я, что? Я – за... То есть я хотел сказать, что я против швейцарских банков, но за наши с тобой карманы...

– То-то, – менторским тоном произнёс Герцог. – Когда следующий комсомольский рейс?

– Через неделю, – с готовностью ответил Швондер. И тут же спросил: – А причём здесь овчарка?

– Для декораций!

* * *

Пять «икарусов» с разухабистой комсомольской братвой, наскребённой по сусекам всесоюзного ленинского, подкатили к ограде одесского порта для прохождения таможенного и пограничного контроля.

Немедленно в первый автобус вошли двое, не считая служебной овчарки. Один – в форме таможенника, второй – в неизвестно какой, но с собакой на поводке.

– Внимание, комсомольцы, страждущие увидеть дальние страны! – голосом диктора программы «Время» и с улыбкой голливудского актера Герцог начал свой автобусный спектакль.

– Я – старший наряда таможенников... Полагаю, что все присутствующие согласны с тезисом: «Не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна».

Строители коммунизма настороженно притихли в салоне: «Провокация! А ведь ещё и до Босфора не добрались... Видно, даром инструкторы ЦК КПСС предупреждали...»

Выждав паузу, Юлий вопрошал:

– Так или нет?!

– А что нужно? Спрашивал звонкий голос комсомольского вожака.

– Думаю, что не все из вас сегодня доберутся до кают теплохода... – отвечал Герцог. Некоторые останутся в Одессе... И не просто в Одессе, а в камерах предварительного заключения... Практика показывает, что не все выполняют инструкцию ЦК и пытаются вывезти из СССР значительно больше положенных тридцати рублей... Вот мой друг. Он тренирован на обнаружение советских денег в лифчиках, трусах и других интимных местах... Ну-ка, Дик, голос! Собака послушно залаяла.

– Предлагаю, – перекрывая ропот неодобрения, продолжал Юлий, – предлагаю всем, кто ещё не понял всей ответственности поездки и заключенной в ней идеи пропаганды советского образа жизни, отправить по почте своим родным и близким излишки денег, чтобы они не попали в руки империалистических разведок...

Герцог вновь поднял руку.

– Вам сейчас будут розданы конверты с марками... Вложите в них избыток денег, напишите адрес – и милости прошу к ближайшему почтовому ящику... Ещё раз предупреждаю: не все сегодня отплывут за рубеж, – некоторые будут этапированы по месту жительства за попытку контрабандного перемещения через границу достояния страны – советских рублей! Чистота комсомольских рядов – залог здоровья нашей Партии... Это – последнее предупреждение перед таможенным досмотром...

После этой проникновенной речи Бруно обходил всех комсомольцев-пассажиров «икаруса» и вручал маркированные конверты.

Через десять минут – в это время голос Юлия уже звучал во втором автобусе – пассажиры первого гурьбой бросались к указанному почтовому ящику, второпях заталкивая туда надписанные конверты с деньгами...

...Через полчаса ящик был полностью *конвертирован*, а ещё через час Герцог с торжествующим видом рвал конверты, доставая оттуда *стольники и полтинники* бойцов юного резерва Партии.

– Юлик, – восхищение Бруно было неподдельным, – а где ты взял почтовый ящик?

– Купил у дяди Фимы из «Вторчермета»... Какие-то пионеры не дотянули до плана сбора металлолома и начали снимать в Одессе почтовые ящики... У дяди Фимы их ещё штук двадцать в запасе... А тебе зачем? Ты что? Этим сыт не будешь? – Герцог указал на груды денег, лежащих у их ног...

Объёмы комсомольских пожертвований ежегодно доходили до ста тысяч рублей (в ценах 60-х годов)!..

Глава восьмая Гангстерская тройка

Однажды вечером друзья сидели в ресторане гостиницы «Интурист», поджидая помощника капитана итальянского танкера «Марко Поло».

Месяцем раньше помощник принял от них заказ на поставку большой – до тысячи штук – партии белых нейлоновых сорочек, пользовавшихся тогда в Союзе бесподобной популярностью.

Судно вошло в одесский порт утром, но и к полуночи итальянец не появился.

Ресторан уже закрывался, на столе перед Юлием стояло нетронутым его любимое блюдо – вареный карп по-жидовски, – как вдруг в дверном проёме, сгибаясь под тяжестью двух огромных баулов, появилось очаровательное юное создание. Молодые люди переглянулись.

– Залётная птаха, – отреагировал Бруно на появление прекрасной незнакомки. Ему можно верить. Он знал в лицо всех одесских проституток, а кто ещё, кроме них, в этот час мог появиться в ресторане?

– Ты о баулах? – лениво откликнулся Юлий.

– И о них тоже, – Бруно поднялся, чтобы помочь *дюймовочке* преодолеть заслон из двух швейцаров.

Через минуту Оксана уже беззаботно щебетала за столом друзей. Впрочем, сыпавшаяся из её уст околесица не мешала ей прихлебывать шампанское и поглощать ломти карпа.

Кокетничая и простодушно улыбаясь, девушка сообщила нежданном покровителям, что приехала в Одессу из Киева прикупить своему брату, вернувшемуся из армии, носильные вещи. Прибыв на вокзал, она обнаружила пропажу денег и билета. В настоящий момент она ищет покупателей на часть приобретённых ею вещей для брата.

– Всё фирменное, и отдам за полцены, лишь бы на билет и обратную дорогу хватило, – попытожила она.

Бруно, подхватив баулы, повёл Оксану в кабинет дежурного администратора. «Ну и прыть! – улыбнулся Юлий, хотел закрепить знакомство с *дюймовочкой*, и если она будет согласна, то провести с нею ночь.

Через минуту Бруно с перекошенным лицом подлетел к столу.

– Что, не дала? – подначил приятеля Герцог.

– Старик, у неё в сумках мои вещи, да-да, те самые! Что будем делать?!

Тремя днями ранее квартиру Бруно ограбили. Ему почему-то казалось, что в жилище злоумышленники проникли, подобрав ключи к замку входной двери.

У Герцога была своя версия: воры забрались в квартиру через балкон, так как распахнутая балконная дверь вводит в искушение, а внутрь легко забраться по виноградной лозе, росшей прямо из фундамента дома.

Отсюда и начинались нестыковки. Если допустить, что в комнату забрался малолетний *форточник*, то как он сумел вынести две огромные хозяйские сумки, доверху набитые фирменными шмотками, звуко- и фотоаппаратурой?!

Хуже того, из тайников визитёр похитил драгоценности, принадлежавшие покойной матери Бруно. Чего стоило одно лишь платиновое кольцо с двенадцати бриллиантами, весом в восемнадцать каратов!

Тайники были заговорённые – их не нашли в 1930-е, когда приходили из НКВД, их не нашли и немцы во время оккупации Одессы – поэтому приятели пришли к выводу, что действовал профессионал высочайшего класса. А, может быть, и не один.

Как бы там ни было, Герцог отговорил Бруно обращаться за помощью в милицию: у сотрудников мог возникнуть обоснованный вопрос: а откуда у рядового диспетчера порта столько дорогих импортных вещей?

Тогда пострадавший бросился в ноги к одесским блатным, пообещав царское вознаграждение. Однако уже через день урки развели руками: домушник был не из местных, а вещи не появились ни на Привозе, ни в комиссионных магазинах.

* * *

План действий созрел мгновенно, и Юлий выпрыгнул из-за стола.

– Мы – менты, понял? Везём её к тебе, то есть на место происшествия... *Базар* я беру на себя, ты помалкивай, а когда надо – подыграешь...

Оксана без тени сомнения села в машину: ведь ребята берут весь товар и за ценой не постоят!

Бруно прыгнул к рулю, машина рванула с места так, что головы Юлия и *дюймовочки*, сидевших сзади, запрокинулись, ударившись о спинку.

Оксана весело щебетала всю дорогу. Иногда она вздрагивала от надсадного визга тормозов на поворотах: Бруно не терпелось узнать судьбу фамильных драгоценностей. *Птаха* превратилась в затравленного мышонка, едва заведя контуры здания. Метаморфозы в поведении и внешнем облике пассажирки не остались незамеченными.

– Узнаёте, гражданин? – бесцветным голосом спросил Юлий.

– Мальчики, вы из милиции? – ответил вопросом на вопрос *мышонок*.

– А что, мы похожи на негров? – парировал Герцог. – Федор Иванович, бланки протоколов у тебя в машине или остались в квартире потерпевших?

– Или... – подыграл Бруно.

– Тогда пошли наверх... Отставить! Во двор! – Герцог уже вошел в роль опера, расследующего квартирную кражу. Подошли к столетней виноградной лозе. Втянув голову в плечи, будто ожидая удара, Оксана молчала.

– Сейчас проведём следственный эксперимент. Вскирайтесь! – Девушка в нерешительности застыла на месте. – Живее, живее! – скомандовал Юлий.

Ловко подобрав подол юбки и заткнув его в трусы, Оксана кошкой взвилась по лозе.

– Бруно! Тьфу, чёрт, Федор Иванович! Бегом наверх, встречайте гостью! Подхватив баулы, Бруно ринулся в подъезд.

Пластичность звезды балета – ничто в сравнении с грацией кошки. В этом Герцог убедился воочию, когда воровка в два приёма забралась по виноградной лозе на балкон – только и мелькнули восковые свечи её ног перед восхищенным строителем спектакля. Спрыгнув на балкон, *дюймовочка* вдруг сделала какой-то непонятный для стоявшего внизу Юлия жест. Бруно, появившийся в проёме балконной двери, нашёл Оксану бьющейся в конвульсиях. Широко открытым ртом она судорожно хватала воздух, одновременно делая глотательные движения.

– Воды! – заорал подоспевший вовремя Герцог.

Проглотив стакан воды, девушка перевела дыхание, утёрла рот рукой, с трудом выдавила из себя:

– Я беременна, мне плохо...

Герцог недоверчиво оглядел *акробатку*, минутой ранее махом преодолевшую пятиметровую высоту, и с угрозой в голосе произнёс:

– А вот мы сейчас вызовем нашего врача... Для освидетельствования... Заодно он установит, не противопоказано ли вам пребывание в камере. – С этими словами Юлий поднял телефонную трубку, резким движением набрал первые пришедшие в голову три цифры.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Докладывает майор Гриценко. Товарищ полковник, задержали-таки... Да-да, *форточницу*, как я и предполагал, – при этих словах Герцог бросил выразительный взгляд в сторону молчаливо наблюдавшего за разыгрываемым спектаклем Бруно. – Да, даёт показания... Но она, оказывается, беременна... Врач нужен... Что? Таки прямо в тюремную больницу? И показания там взять?

Услышав это, девушка неистово замахала руками.

«Дожал-таки, – подумал Юлий, – и мы, похоже, уже не беременны». В трубку же сказал:

– Да, вроде, нам уже лучше, товарищ полковник... Насчёт врача я ещё перезвоню... Слушаюсь, товарищ полковник!

Положив телефонную трубку, Герцог угрожающе двинулся к *дюймовочке*.

– Цыпа, мы с тобой полчаса как знакомы, а ты уже забеременела и сразу от нас двоих?! Не надо делать нам смешно, а то ведь мы аборт сделаем! – Но, увидев, как напрягся Бруно, словно готовясь броситься на налётчицу, Юлий примирительно сказал:

– Федор Иванович, вынь из попки пальчик, дай тётке *здасьте!* Будь ласка, принеси мастику – *откатаем пальчики* нашей новой знакомой.

В тот же миг Оксана непроизвольно спрятала руки за спину.

– Давно ли от *хозяина?* – заметив жест, с интересом спросил Юлий.

– Недавно... – выдохнула девчушка.

* * *

Спектакль продолжался всю ночь. Были и мольбы, и слезы. *Дюймовочка* то порывалась сбросить с себя платице и трусики, то поочередно бросалась с объятиями на *оперов*. Они были непреклонны.

Юлий уверенно вёл представление, импровизируя на ходу. Усталости как не бывало – так захватило его и само лицедейство, а, главное, – окончательно оформившаяся в план действий идея использовать незадачливую домушницу в предстоящей аванюре. А всё решила фраза, обронённая Оксаной. С её слов, до первой *ходки* она работала бухгалтером в колхозе. Документы, извлечённые из одного баула, это подтверждали.

На каком-то этапе Бруно не выдержал:

– Где колье?

– Проглотила... – с мольбой в голосе ответила *дюймовочка*.

– Ах ты форточница с заглотом! – возопил Бруно, замахнувшись на воровку, но Герцог невозмутимо остановил приятеля.

– Да-а, без вскрытия брюшной полости не обойтись! – И, заметив, как изменилось лицо Оксаны, добавил: – Слушай, может, обойдёмся без вскрытия? Опиши все свои одесские похождения, не забудь и налёт на эту квартиру.

Сагой о *хождениях по квартирам*, собственноручно исполненной налётчицей, Герцог закрепил её вербовку.

* * *

Милейшее создание с копной золотистых волос и таким обволакивающим взглядом, Оксана Гиль совершала налёты изящно и грациозно.

В незнакомом доме она появлялась с цветочками в руках или с коробкой от торта. Всем было ясно, что девушка идёт к кому-то в гости. Ещё у неё была маленькая сумочка, где кроме косметики лежала *фомка*, которой Оксана пользовалась чаще, чем повсечасной косметикой.

Дюймовочка заявлялась на самый верхний этаж и звонила в каждую дверь. Открывшим двери людям она обворожительно улыбалась, спрашивая заготовленную глупость, к примеру: «А Галя дома?» – и тут же получала полную и совершенно необходимую для последующих действий информацию.

Через две минуты Оксана проникала в квартиру, где проживала «Галия», а ещё через какое-то время и в другое жилище, в котором никакой «Галии» и быть не могло.

За две недели Гиль, с её слов, совершила в Одессе около сорока квартирных краж. От разработанной схемы её иногда заставляли отступать открытые форточки и распахнутые балконные двери, – как это было в случае с Бруно, – и она без колебаний меняла курс. Нередко Оксане помогали соседи ограбленных: встреченного в подъезде мужчину миловидная налётчица просила донести сумки или баулы до такси. И несли!

Сдавать вещи в комиссионные она не решалась – там надо предъявлять паспорт, а значит, оставлять следы. Распродавала награбленное посетителям ресторанов, обслуге гостиниц, словом, покупателей искала среди тех, кто имеет при себе значительное количество наличности.

Целые сутки Гиль, в компании Бруно и ночного горшка под кроватью, описывала свои похождения. Они оба ожидали выхода платинового ожерелья.

Ознакомившись с творческим путём мошенницы, Герцог сделал ей предложение, от которого Гиль не могла отказаться. И не потому, что Юлий пообещал в случае отказа *сдать* её милиции вместе с собственноручно написанным чистосердечным признанием. А потому, что предложение было весьма прибыльным и, по прикидкам нашедших друг друга авантюристов, менее опасным, чем незаконное проникновение в жилища обеспеченных граждан, и более изящным, чем лазанье по форточкам и балконам...

* * *

Вскоре Оксана, оформив проплаченный Герцогом брак с одним одесским фарцовщиком, сменила паспорт, став гражданкой Харченко. Ещё через некоторое время она с помощью Юлия устроилась кассиром одесской сберегательной кассы №-3567/18, которую троица превратила в *скважину* по выкачке денежных знаков.

Схема обогащения, – а это уже стало фирменным знаком Юлия, – была до гениальности проста.

В один прекрасный день Бруно во время дежурства Харченко заводил сберкнижку, внося на текущий счёт одну тысячу рублей. При заполнении графы «приход» Оксана «ошибалась» и вписывала десять тысяч рублей. В следующее её дежурство тот же Бруно снимал с книжки девять тысяч. И это повторялось многократно. Подельники делили деньги поровну, всегда оказывалось, что половина доставалась Герцогу...

По его расчётам денежный фонтан должен был бить не менее года, но *затяжной характер* был прерван одесским ОБХСС через десять месяцев.

* * *

Скважина обогатила троицу на сто девяносто восемь тысяч рублей (цены середины 1960-х годов).

На следствии и суде Оксана, рассчитывая на обещанную помощь оставшихся на свободе подельников, всю вину взяла на себя. Её приговорили к двенадцати годам лишения свободы.

Бруно был признан психически недееспособным.

Герцог ударился в бег. Впрочем, и Бруно, и Оксана знали его как «Юрия Козленко». Человека с этими анкетными данными и искал Всесоюзный уголовный розыск...

* * *

Вслед за задержанием Оксаны Герцог спешно попрощался с отцом и под фамилией Пономаренко вылетел в Киев.

В гостинице устроился под фамилией Бондаренко. Паспорт на Козленко Юрия Аркадьевича сжёг, пепел утопил в унитазе.

До назначенной встречи с представителем администрации промышленного объединения «Магдрагмет» оставалось ещё два дня. Часами просиживая у телевизора или слоняясь по коврам роскошного трёхкомнатного «люкса» Юлий испытывал настоящие физические муки. Нет-нет, не от страха быть задержанным. От безделья...

Наконец контракт подписан, предписание приступить к работе и пропуск в закрытую Магаданскую область получены. Осталось взять билет и в иллюминатор взлетающего самолёта сделать прощальный взмах рукой. «Не злато ль ищешь ты в краю далёком? Его ль ты не нашёл в краю родном?»

Заметая следы, Юлий вылетел из Киева в Москву под фамилией Тарасюк, а из Москвы в Магадан уже под фамилией Герцог, на которую он и оформлял контракт.

Через три года после исчезновения из Ленинграда Герцог возродился на золотом приiske «Самородный» в должности начальника планового отдела.

Чем больше сцен, на которых играет талантливый актер, тем выше его мастерство. Причём, в отличие от посредственных лицедеёв, мастер одинаково хорошо справится с ролью независимо от того, какой бы сложной она ни была.

Глава девятая

Возите золото «Аэрофлотом»

Герцог остановил такси на Невском, в двух кварталах от гостиницы «Европейская», и юркнул в толпу. Окольным путём добрался до Русского музея, который служил последней контрольной зоной обнаружения возможной слежки. Будний день, предобеденная пора, редкие посетители в залах музея – идеальная обстановка для выявления «хвоста». Смешавшись с группой американских туристов, Юлий с деланно рассеянным видом огляделся по сторонам. Всё спокойно. Миновав два зала, он посмотрел на часы – до передачи товара оставалось десять минут – и направился к выходу, боковым зрением отмечая перемещения окружающих.

Нет-нет, все заняты созерцанием шедевров.

При входе в «Европейскую» Герцог сунул человеку в ливрее пятёрку. Путь открыт. Ресторан, обслуживавший иностранцев, находился на третьем этаже. Ещё одна пятёрка, условная фраза на ухо швейцару – и Юлий, утирая платком взмокший лоб, уселся в дальнем углу зала.

– Да, – заключил он, раскуривая сигарету, – Хенкин прав. Отсюда весь зал, как на ладони, а тебя от окружающих скрывает густая листва пальмы. Недаром этот столик вечером бронируют гэбэшники. Ну а днём?

– А днём, – отвечал Хенкин, – мы – стоматологи!

Герцог скривился.

– Нет, господа врачеватели, не понять вам тревог выючного мула, таскающего на себе полотняные пояса с золотым песком...

В дверном проёме появился Марик Хенкин. Одной рукой он нёс увесистый портфель, другой увлекал за собой сразу двух длинноногих молодых див.

«Конспиратор, – усмехнулся про себя Юлий, – разведчики на проведение тайниковых операций берут с собой в качестве прикрытия жён, у Марика своя «крыша» – профурсетки. И где он только находит таких красавиц, этот неистребимый перпетум-кобиле?»

Сколько Юлий знал Марика, тот никогда не расставался ни со своим портфелем, ни с весёлыми подружками. С одной оговоркой: портфель оставался неизменным годами, а беспечные красотки подлежали смене каждый месяц, если не чаще.

«У меня нет идеала – всех зову под одеяло», – как бы оправдываясь, говаривал Хенкин.

Марик олицетворял собой редкое сочетание трудоголика и мота-повесы. Деньги – и немалые – он зарабатывал, чтобы тут же прокутить их вместе с ненасытными прожигательницами жизни. Высококласный специалист в области лицевой хирургии, зубной техник и протезист в одном лице, Хенкин имел в городе богатую частную практику. А поскольку лечил клиентов у них дома, то его «кормилец» – так ласково называл он свой портфель – был неизменно набит слепками зубов, коронками, зубными пртезами, не говоря уж о разных щипцах и свёрлах.

Однажды Марик, проведя ночь с друзьями за «пулькой», возвращался под утро домой. Беспечно помахивая «кормильцем» и насвистывая «Колонель бути», чтобы сократить путь, он бесстрашно ринулся через городское кладбище и угодил в... милицейскую засаду. Откуда ему было знать, что угрозыск которую ночь кряду охотился за шайкой грабителей, осквернявших могилы в поисках золотых коронок в ротовых полостях покойников?!

По требованию ментов Хенкин, не чувствовавший за собой никакой вины, с готовностью открыл портфель. При виде щипцов, коронок и целых челюстей ликующие сыщики затолкали – спасибо не искалечили – Марика в «воронок» и доставили в околоток, где с него сошло три пота, пока он сумел убедить служивых, что не любитель он могильного золота, а врач-профессионал. В доказательство пришлось тут же поставить пару пломб начальнику...

– Старик, пароль подействовал на швейцара? – вместо приветствия произнёс Хенкин.

Герцог утвердительно кивнул.

– Он – новенький... Нуждается в дрессировке... Так, а где наш дежурный половой? – Марик оглядел зал. – Любезный, – окликнул он семяющего к соседнему столу официанта с тяжёлым подносом, – кто нас сегодня обедает? – в вопросе прозвучали одесские интонации.

– Я занят, – не поворачивая головы, ответил официант.

– Пришлите замену, любезный! – и, обратившись к Герцогу, недовольно произнёс: – И этот новенький... Что это у них... Всеобщая ротация, что ли?

У Юлия при этих словах похолодело внутри, он непроизвольно провёл рукой по нательному поясу с золотом.

Хенкин ещё несколько раз безуспешно пытался остановить официанта, курсировавшего между кухней и соседним столом, где расположилась группа французских туристов.

Наконец, не выдержав натиска, служка, брызгая слюной, прошипел:

– Катитесь вы в свой Тель-Авив, там вас накормят, а здесь только работать мешаете!

От такой наглости у Марика глаза вылезли из орбит.

– Ну, знаете ли... Я – хам. Видел хамов, но такого – впервые!

По взгляду друга Юлий понял, что кара будет жестокой.

Приговаривая «долой кариес и антисемитов», Марик с неожиданным для его необъятной комплекции проворством сунул руку в стоявший возле ног портфель и метнулся к раздаточному столу, на который хам-официант водрузил огромную фарфоровую супницу с

сациви. Французы, оживлённо обсуждавшие аперитив, не заметили, как Хенкин бросил в супницу пригоршню зубных протезов и, помешав варево ложкой, вернулся на свое место.

– Любезный, может, всё-таки займётесь нами? – с видом кота, съевшего канарейку, вкрадчиво спросил Марик вернувшегося официанта. Тот даже бровью не повёл, сосредоточенно раскладывая сациви в тарелки.

Иностранцы с воодушевлением принялись за экзотическую снедь. Однако их восторг длился недолго. Энтузиазм угасал с каждой выловленной из тарелок металлической коронкой. Что за чёрт!

Кризис наступил, когда старушка-переводчица с диким воплем извлекла из соуса и швырнула на скатерть огромный человеческий зубище. Сомнений не было: кто-то уже ел этот сациви и обломал себе зубы.

Иностранцы с омерзением переводили взгляд с зуба на супницу. Кто-то схватился за горло, сдерживая позывы отторжения. А яйцеголовый очкарик, походивший на «голубого» гимназиста, нагнулся над кадкой с пальмой и изрыгнул из своего чрева прелести кавказской кухни.

Скандал достиг апогея, когда приглашённый шеф-повар извлёк из супницы вставную челюсть...

Ангажированные наложницы Марика, обнявшись, рыдали от восторга.

Заметив на себе пристальный взгляд официанта, Юлий понял, что «явка» сорвана. Скомандовал:

– Сматываемся!

Хенкин, выбрасывая из-за стола свое грузное тело, произнёс фразу, которая довела нимфеток до экстаза.

– Пусть благодарят небо, что я стоматолог, а не гинеколог... А то бы сейчас *лягушатники* жевали жаркое из п. дятины. Пардон...

При выходе из ресторана, воткнув в подставленную швейцаром ладошку червонец, Марик назидательно изрек:

– Передай этим холуям, что «евреев на Земле ужасно мало, но каждого еврея очень много есть»...

– Слушаюсь, Марк Романович! – с готовностью ответил привратник.

При выходе из гостиницы компания столкнулась с вызванным метрдотелем нарядом милиции. Однако авантажный вид компании исключал всякие подозрения в злостном хулиганстве, и милиционеры почтительно посторонились.

Герцог юркнул в подъехавшее такси. Крикнул, высунувшись из окна:

– Марик, завтра в час! – что для стоматолога означало: «завтра в «Астории».

Все шесть лет пребывания Герцога на прииске судьба будет вести его за руку. Золото килограммами будет поступать на материк к стоматологам и в тайники, устроенные Юлием в надгробном склепе матери и отчима.

Глава десятая

Стриптиз, замешанный на крови

Каждый год накануне сезона массовых отпусков старателей на прииск в поисках длинных рублей слетались звезды советской эстрады, кино, цирка и даже Большого театра. Не по зову Партии, а по велению ненасытной своей натуры приезжали туда заслуженные и народные, именитые и не очень. То, что не Партия их туда мобилизовывала, можно судить по протоколу заседания МГК КПСС, где рассматривался вопрос о лишении звания «народный артист СССР» звёзд всесоюзной величины «К», «Ш» и «М» по возвращении из очередного золотого вояжа.

Творческие бригады артистов-шабашников стойко переносили морозы, мирились с бытовым неудобьем. Возвращались на материк с чесоткой, бронхитом, порой и с венерическими заболеваниями – золото требовало жертв.

С особой щедростью работы принимали модных актрис и эстрадных певиц.

За Ириной М. – заслуженной артисткой – тащилось неотступно сразу два-три кобелино-старателя, что, в общем-то, ею самой и поощрялось.

Трахались, не таясь друг друга, в бараке. А коль скоро М. была изысканно брезглива и отказывалась ложиться на постель, предпочтение отдавалось совокуплениям стоя, глаза в глаза, либо в «позе прачки», когда действующий партнёр заходит сзади, а она упирается головой и руками в живот очередника.

Неделю спустя те из артистов, кто был покрепче организмом, умудрялись перебраться на пару недель к алмазодобытчикам в Якутию. Так что по возвращении в Москву каждый гастролер на гипотетичный вопрос мэтра советского искусства: «С кем вы, мастера культуры?» – мог смело ответить: «С золотом и алмазами!»

Их золото-алмазные добытчики для заезжих знаменитостей не жалели. Во время выступлений в артистов летели запечатанные пачки банкнот, но чаще – самородки и полотняные мешочки с золотым песком.

Известно: когда женщина раздевается, подвыпивший мужчина готов отдать всё.

Однажды, когда Ирина М. в рабочей столовой исполняла перед пьяной ватагой старателей стриптиз, её в буквальном смысле озолотили – забросали золотыми самородками.

Что ж, если в звезду швыряют драгоценности, значит, свет её кому-то нужен!

* * *

Под аккомпанемент зажигательной мелодии Ирина движется по импровизированной сцене – сдвинутым столам – намеренно лениво сбрасывает к ногам улюлюкающей братвы верхнюю одежду. Помахивая как бы невзначай задранным подолом юбки, она стыдливо вскрикивает, изумлённо округляет глаза, разыгрывая смущение девственницы, впервые попавшей в мужскую компанию. Женское кокетство раззадоривает присутствующих. Раздаются одобрителы хлопки.

Юбка смелее взлетает вверх, обнажая упругие ляжки. Подвыпившая публика медленно заводится.

Неожиданно Ирина делает рывок, и юбка летит в дерущуюся за право собственности толпу. Рев тридцати задубевших от спирта глоток перекрывает звуки музыки.

«Сразу пошла с козырной карты», – оценил жест Юлий, стоящий в окружении статных черкесов – его личной охраны. В отличие от остальных, они не прикладываются к бутылкам и с внешним безразличием реагируют на происходящее.

Соблазнительные позы чередуются каскадом провокационных движений обнажённым животом, бедрами и округлой попкой.

Ягодицы – два огромных ломтя спелой дыни – разделены тонкой полоской черных трусиков, подрагивают в такт мелодии, будоражат приглушенные тяжелой физической работой и алкоголем инстинкты. Взлетающие к потолку точеные ноги в ажурных чёрных чулках на миг приоткрывают загадочную, манящую ложбинку межножья. При каждом взлёте ноги сквозь прозрачную ткань трусиков отчетливо виден лакомый бутон.

Азартный танец, восхищенные выкрики зрителей увлекают и заводят саму исполнительницу. В её глазах, смешливо лукавых, молнией мелькает вызов: «А так – слабо?» – в тот же миг в зал летят блузка и лифчик. Публика зашлась в пьяной истерике.

«Очередь за трусиками», – бесстрастно отметил Герцог.

Ирина выбивает чечетку. Налитые груди с золотистой подпалинкой сосков вздрагивают в такт аккордам. Пот струится по лицу. Одно неосторожное движение – и она размазывает тушь и губную помаду. Лицо становится вызывающе вульгарным.

«Шлюха портовая, а не заслуженная артистка!» – определил Юлий.

Сексуальный танец набирает немыслимый темп. Плечи и грудь Ирины покрываются испариной.

Разгоряченные спиртом самцы хмелеют от зрелища и запаха молодого тела. Судорожные подергивания бедрами и ягодицами сводят с ума, откровенно приглашают к совокуплению.

Апофеоз бесстыдства: присев на корточки, танцовщица вызывающе разводит колени и призывно помахивает рукой у лобка, затем по локоть окунает её в трусики.

Обводит томным взглядом вмиг притихший зал, неспеша вынимает руку и блаженно облизывает ладонь и каждый палец в отдельности.

Подтекст жеста понятен каждому: «Войди в меня! Обмакни усы в моём меду!»

Шторм восторга. Барак ходит ходуном, под потолком начинают раскачиваться лампы. На сцену летят нераспечатанные пачки банкнот, мешочки с золотым песком.

Непреодолимое желание обладать этой изнывающей от истомы, бьющейся в конвульсиях плотью переполняет работяг, распирает грудь, пеной выплескивается из орущих глоток. Кровь вот-вот закипит в жилах. Старатели в каком-то гипнотическом порыве придвигаются к сцене.

Заключительные аккорды танца.

Ирина неуловимым движением, – опыта и мастерства ей не занимать, – сдергивает ажурные трусики, оставшись в одних чулках, запрокидывает голову и тело назад, выставив на обозрение покрытую густой темной порослью промежность...

Герцог замечает, как к сцене сквозь толпу беснующихся в пьяном восторге золотодобытчиков продираются, на ходу сбрасывая фуфайки и расстегивая ватные штаны, двое рослых парней.

Юлий их знает. Оба – наркоманы, бывшие эки, последнее время верховодят в пятой бригаде. Тот, что повыше ростом, с рваным ухом, хватает в охапку голую стриптизёршу и валит её на пол.

Герцог кивком головы отдаёт команду. Два черкеса мгновенно берут в железные клещи охотников до дармовой «клубнички».

Рваный видит в опричниках не блюстителей порядка, а конкурентов и выхватывает из-за голенища огромный тесак.

Следует неуловимое движение – и нападающий корчится со стоном на полу, – падая, он проткнул себя своим же ножом. Пачки денег, полотняные мешочки с золотом окрашиваются растекающейся кровью.

«Всех на улицу!» – кричит Герцог черкесам. Вскоре в столовой остаются Юлий с охраной, Ирина и лежащий ничком Рваный. Он еще дышит.

Наш избавитель снимает с себя меховую доху и укутывает проходящую в себя артистку. Черкесы передают Ирине поднятые с пола пачки денег. Мешочки-кисеты с золотым песком – своему Повелителю.

Герцог оценивающе подбрасывает каждый на ладони, затем, вынув из карманов несколько пачек в банковской упаковке, протягивает их артистке.

Ее взгляд из растерянного становится негодующим:

– Да как вы смее! Я требую... – она замолкает под пристальным взглядом Герцога.

– Требуете квитанцию за проданное золото? – в глазах Юлия озорные огоньки. – Её не будет...

– А что будет? – с вызовом спрашивает уже пришедшая в себя Ирина.

– Будет задержание при попытке незаконного вывоза золота с территории прииска... Или, – Юлий кивает в сторону стонущего насильника, – нож в спину от друзей Рваного...

Глава одиннадцатая

Гастроли в кандалах

Скандалное секс-шоу, устроенное Ириной М. на свой страх и риск, и едва не окончившееся групповым изнасилованием предприимчивой столичной звезды, подтолкнуло Герцога к новому проекту.

Нет-нет, он не собирался отказываться от своего основного действующего предприятия – скупки и перепродажи золота. Отнюдь. Просто Юлий чувствовал в себе достаточно сил, чтобы вести крупную игру на двух столах одновременно.

Инцидент с актрисой убедил его, что гастролеры предоставлены самим себе, «бесхозны» и бесконтрольны. Вольны по своему усмотрению устраивать спектакли, а значит, и назначать цену за них. А деньги? А золотые самородки?! От одной этой мысли стрелка внутреннего барометра Герцога немедленно двинулась к отметке «ШТУРМ!»

На следующее же утро Юлий, обдумав за ночь план действий, принялся за дело.

Разнузданные набеги столичных звезд в его вотчину – прииск – он намерен был прекратить раз и навсегда. Да что прииск! Надо поставить под контроль проведение культурных мероприятий на территории всего Колымского края.

«Нива шоу-бизнеса, – решил Юлий, а он никогда не ошибался в выборе мест, сулящих крупные сделки и быстрые обороты, – также золотоносна, как и сам прииск».

Бизнес-план Герцога сводился к следующему: монополизировать шоу-рынок в зоне вечной мерзлоты, приобретя эксклюзивное право единолично осуществлять все агентские, посреднические и администраторские услуги, а также определять место, время и количество представлений, устанавливая цены на билеты.

Юлий Герцог жил во времена больших советских монополий: Госконцерт, Госкино, Госцирк, но самоуверенный, он не страшился схватки с администрацией этих монстров. Не впервой было ему посягать на священную корову – монопольное право государства. Юлий знал, что уж если ему доведется припасть к ее вымени, он отвалится, лишь вдоволь насосавшись...

В стремлении Герцога монополизировать колымский рынок развлечений слились страсть к большим деньгам и мечта достигнуть вершин жульнического Олимпа.

Двигаясь к вожаемой цели, наш честолобец не стал изобретать велосипед, а использовал дряхлую советскую бюрократическую машину.

Посулами и подкупом – машину надо смазывать – Юлий добился избрания в профком промышленного объединения «Магдрагмет», где без отрыва от производства, – работы начальником планового отдела прииска «Самородный», – решал вопросы соцкультбыта.

И, наконец, заручившись поддержкой руководства «Магдрагмета», Аркагалинской ГРЭС и строящейся Билибинской АЭС, наш ловкач заполучил их бланки, заверенные гербовой печатью.

На этих бланках исполнил текст приглашения выступить с концертами перед трудовыми коллективами золотодобытчиков, оленеводов и рыбаков Колымского края и разослал его в Госконцерт, Госкино, Госцирк и творческие союзы Москвы и Ленинграда. Обязал заинтересованных лиц выслать в адрес профкома планы и списки актеров, которые будут принимать участие в концертах, сведения о предполагаемых гонорарах, расценках и т. п. Предложил направить в Магадан уполномоченных для подписания с ним – Герцогом Юлием Львовичем – соответствующих договоров.

И что вы себе думаете? Они таки приехали! Но не сразу.

Революционные преобразования, впервые начатые в советском шоу-бизнесе молодым аферистом с царственной фамилией «Герцог», не могли остаться без внимания распорядителей Госконцерта, Госкино и Госцирка. Еще бы! Он ведь рискнул посягнуть на их незыблемые права, приработок и даже власть над артистами.

«Да кто он такой, этот выскочка из окраинного захолустья, пусть и золотиносного? Что он себе вообразил? Мы – не мальчики! Как действовали по собственному графику, так и будем действовать без надсмотрщиков. И ответа он от нас, этот выскочка, не дожидается!»

Не знала еще околотворческая элита, с кем имела дело.

Молчание грантов от искусства Герцог воспринял как вызов, но сохранял спокойствие.

Выждав приличествующую хозяину положения паузу, он ввел в бой второй эшелон – подключил к реализации своей задумки депутата Верховного Совета СССР от Колымского избирательного округа, пару депутатов калибра поменьше, из местных – и, смотришь, уже из Министерства культуры Союза ССР в Госконцерт, Госкино и Госцирк стали названивать разные уважаемые люди. Спихнулись администраторы и руководители творческих коллективов, шабашкины дети: ох, как не хочется терять связь с землей обетованной – магаданскими приисками! Давай названивать на прииск.

Ответ Юлия был краток: «Приезжайте, такие дела по телефону не решаются».

Вскоре на золотиносную твердь Колымы стали высаживаться первые десанты администраторов-распорядителей советской культуры и уполномоченных творческих коллективов.

Герцог охотно общался с ними. Его лениво-барственный манера цедить слова, немигающий с прищуром взгляд, а главное – присутствие громил-охранников, производили неизгладимый эффект: столичные хлыщи ожидали встретить директора какого-нибудь заплеванного клуба, а встретили... Герцога!

Сначала он, было, вел с администраторами многочасовые переговоры, проходившие в атмосфере торга и обоюдного шантажа. Потом Юлию это надоело.

Шельмец стал предельно вежлив и лаконичен в своей непреклонности: «Либо вы соглашаетесь на мои условия, либо никаких гастролей!»

Выйдя как-то после таких переговоров в туалет, мэтр закулисных сделок Самуил Р. произнес фразу-афоризм:

«Ай да кудесник! Если этот молодой человек начнет продавать морозильники эскимосам, он и в этом преуспеет, факт. Я – обоссанный биндюжник по сравнению с ним!»

Слова мэтра закулисных сделок упали на благодатную почву: сокрушаясь и ропща, администраторы стали заключать с Герцогом – не с профкомом, нет, – с нашим молодым проходимцем! – договоры о предстоящих концертах. Смирились, посчитав, что «часть – лучше, чем вообще ничего».

Те же, кто счел подобную честь – заключение договоров с безвестным выскочкой – сомнительной или недостойной, впоследствии обрекли себя и привезенные на Колыму бригады артистов-шабашников на мытарства и безденежье.

В общении с актерами декорации не менялись, но формула ультиматума была иной: «незаменимых нет». И она срабатывала безотказно.

Получив согласие администраторов и актеров сотрудничать на его условиях, «колымский диктатор» проводил в их среде разъяснительную работу.

Ненавязчиво, но авторитетно внушал им мысль о невозможности вывезти золото, приобретенное на прииске, не вступив в конфликт с Уголовным кодексом.

И ему верили. Ведь он – представитель администрации, к тому же старожил. Все, за исключением самых рискованных, избавлялись от «халявного» металла, меняя его на бумажные рубли. Обменный курс определял, разумеется, Герцог, он же и выступал в роли менялы. Исключения он не делал даже Володе Высоцкому, ежегодно приезжавшему на прииск...

Учитывая опыт трагически закончившегося выступления Ирины М., Юлий для непристойных спектаклей стал сдавать в аренду свою огромную квартиру. Она же служила и домом свиданий, где старатели и любвеобильные артистки со звероподобным усердием предавались сексуальным оргиям.

Плату за аренду Герцог получал и с тех, и с других, но не деньгами, а золотым песком и самородками.

Нельзя сказать, что все устроители гастролей и все актеры были высоконравственными наставниками института благородных девиц. Нет! Но то, что было предложено изобретательным и безжалостным хамом – Юлием Герцогом – даже для самых прожженных и небрезгливых было чересчур! Молодой аферист переплюнул их всех. Более того, он их все *хупотребил*, заставив отдавать львиную долю выручки ему, а не в казну...

Платными секс-услугами, которые столичные дивы неизменно включали в свой магаданский репертуар, Юлий не пользовался.

Ну, во-первых, он имел богатый выбор достойных партнерш среди медперсонала местной больницы.

Во-вторых, если за удовольствие надо платить, то какое ж, к черту это удовольствие? Но главное заключалось в другом. Уже более года он был страстно влюблен.

* * *

Года через два после приезда на прииск «Самородный» Герцог, не терявший головы прагматик, угодил в медовую ловушку – по уши влюбился в семнадцатилетнюю красавицу, выпускницу таллинского медучилища Ирму Прунскую, только что прибывшую с материка в новой партии контрактников.

Любовь с первого взгляда – и Юлий, не теряя времени, ринулся на штурм.

Однако, несмотря на то, что к моменту встречи с медсестрой в послужном списке обольстителя насчитывалась не одна дюжина поставленных им на колени «крепостей», он вынужден был признать, что на этот раз «цитадель» была неприступной, а его чары бессильны.

Умный в гору не пойдет.

Встретив решительный отпор, для которого, по мнению Юлия, видимых причин не существовало, он дал задание своей разветвленной агентурной сети в среде золотодобытчиков провести рекогносцировку.

Результаты проверки превзошли самые худшие его опасения. Ирма состояла в любовной связи с бригадиром старателей, эстонцем по национальности, неким Калниньшем. Знакомы они, как выяснилось, были с детства, к тому же помолвлены.

Их связь, однако, носила еще и преступный оттенок: для своего жениха, наркомана со стажем, Ирма воровала в больнице, где она работала, препараты морфинной группы.

Герцог не был бы самим собой, если бы прошел мимо открывшихся обстоятельств. Мысль скомпрометировать эстонца на наркотиках он отменил сразу: в таком случае он ставил бы под удар и свою возлюбленную. Кроме того, не было никакой гарантии, что вслед за бригадиром прииск не покинет и сама Прунская. А этого Герцог допустить не мог.

Взвесив все «за» и «против», он пришел к выводу, что Калниньша, который являлся преградой к душе и телу красавицы-эстонки, надо устранить физически. К тому же, кроме будущей любовницы – а то, что она ею рано или поздно станет – Герцог не сомневался – он видел в ней и вероятную сообщницу в операциях доставки золота на материк: кражи морфия говорили о том, что совращать ее с пути истинного не придется – за него это уже сделали другие.

А Юлию, ох, как нужны были подручные: золото прибывало, и двух рейсов в год для его доставки в Питер было уже недостаточно.

Через неделю труп Калниньша нашли подвешенным за гениталии в мужской душевой. С исполнителями казни Герцог расплатился, устроив им пару свиданий с нимфетками из ленинградского мюзик-холла.

Теперь ниша, принадлежавшая эстонцу, была свободна, однако занимать ее Юлий не спешил.

По его расчетам, медсестра должна была сначала утомиться одиночеством. А о том, чтобы Ирма до конца контракта осталась изолированной от мужчин и даже от женщин, должны были позаботиться щедро оплаченные Герцогом его опричники.

Через два месяца «цитадель» пала.

Юлий стал безраздельным властелином не только пышущей страстью юной плоти, но и помыслов Ирмы Прунскайте. Со временем она станет незаменимым помощником в реализации мошеннических проектов Герцога.

Ирма настаивала на официальном оформлении брака. Юлий не возражал, прикидывая, который из имеющихся паспортов отдать на «клеймение» в загс.

Вскоре Герцог с Ирмой отбыли в Ленинград, чтобы претворить сказку о Золушке и Принце в реальность.

Не были забыты и полотняные пояса с золотым песком и самородками: кроме матримонийных им предстояли и более рутинные заботы...

Глава двенадцатая

Шулеры-аристократы

В один из ненастных январских вечеров Юлий Герцог, отправив свою жену Ирму на её половину дома, остался в компании своего верного телохранителя Махмуда, чтобы за чаем, пахлавой и урюком потолковать о жите-быте да и, если удастся, сыграть партию-другую в нарды.

Они только что вернулись из Северной Пальмиры, куда отвезли очередную партию самородков и золотого песка, а заодно отпраздновали Новый год в обществе друзей Юлия.

На лицах обоих – абсолютное спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, переходящие в летаргическую умиротворённость.

Первым заговорил Махмуд:

– Юлий Львович, это, конечно, хорошо, что вы сумели поставить под свой контроль и обложить огромным денежным оброком администраторов столичной эстрады и выступления залётных гастролёров из разных мюзик-холлов страны, приезжающих к нам на золотые прииски Магаданской области, но...

Махмуд выдержал паузу, делая вид, что раздумывает, в какие ячейки разместить кости нардов.

Герцог, зная манеру начальника личной охраны никогда и никому не навязывать своего мнения, а высказывать его ненароком, как бы между прочим, насторожился:

«Неужели я чего-то не учёл? Неужели кто-то из залётных актёров остался неохваченным мздой, оказался вне поля моего зрения? Быть того не может! Судя по всему, Махмуд что-то задумал, но деликатничает, подчёркивает своё передо мной подчиненное положение... Н-да, Восток – дело тонкое!»

– Махмудик, дорогой мой! У вас на Кавказе говорят: «если ты зашёл в реку по пояс – то полезай уж весь». Ты, мне кажется, уже по шею стоишь в воде, а всё никак не решишься, поделиться своими мыслями или нет... Или ты боишься обидеть меня, потому что идея, которую ты вынашиваешь, первой пришла в голову не мне, а тебе, а? Тогда напрашивается

другой вопрос: а что же мы за друзья такие, если будем ревновать друг друга к появившимся идеям?! Ну какой нам смысл блуждать вокруг да около, будто мы только что познакомились? Есть идеи – выкладывай, обсудим. Дивиденды делить будем поровну...

– Вы – умный человек, Юлий Львович, от вас ничего не скроешь... Только я вот что хотел сказать: наряду с известными столичными артистами и их администраторами магаданские золотые прииски с неменьшим рвением посещают и гастролёры другого профиля – всесоюзно известные мастера колоды, картёжники экстра-класса.

Так же как и мастера эстрады, они появляются здесь с октября по февраль, то есть в период «мёртвого сезона», когда из-за морозов на приисках прекращаются все работы и досуг старателей превращается в поиск развлечений, оканчивающийся беспробудной пьянкой.

Для *катал* и *шулеров* всех мастей, съезжающихся к нам на прииск со всего Союза, именно в это время и начинается основной сезон добычи, так называемый *гон лохов*, во время которого *катали* за месяц-другой могут взять здесь столько, что и за целый год *не накатают* на материке...

Я вам уже говорил, что до поступления в милицию преподавал историю в Грозненском университете и даже написал кандидатскую диссертацию по теории и практике шулерских приёмов...

Дурак я был, конечно! Кому всё это было нужно? Научным мужам? Оказалось, что всё то, чем я занимался столько лет, пригодилось только мне самому. Даже в милиции на меня смотрели как на блаженного!

Короче, Юлий Львович, я вам кое-что сейчас расскажу, а вы примите решение, как нам действовать дальше, хорошо?

– Вперед, Махмуд!

– Вы не будете возражать, если я начну издаleка, с исторической справки?

– Валяй...

* * *

История изобретения карт так же противоречива, как вся история человечества.

Геродот писал, что ещё VIII–VII веках до нашей эры в картишки активно резались в Мидии.

Согласно старинному китайскому словарю Чингцзе Тунга, относящему нас к концу XVII века, карты были изобретены в Китае 1120 году, а уже 1132 году увлечение ими можно было сравнить разве что с национальным бедствием или повальной эпидемией – никакие запреты не могли воспрепятствовать китайцам ставить на кон всё, кроме Великой стены...

Первые карты делали круглыми, многогранными, треугольными, из слоновой кости и кожи, из дерева, серебряных или медных листиков, наконец, из пергамента, шелка и бумаги.

По одной из версий, в Европу карты попали после походов крестоносцев в Малую Азию (1096–1270 гг.), по другой – авторство приписывается малоизвестному французскому живописцу, некоему Жикомину Грингонеру, который, якобы, придумал их в XIV веке для услады короля Франции Карла Безумного – перекинувшись пару раз в картишки, тот из бешеного зверя превращался в нормального человека...

Со временем игральные карты стали домашней забавой и страстью не только богачей, но и простолюдинов всей средневековой Европы.

Церковь сразу узрела в карточной игре крамолу и занесла её в список самых тяжких грехов наравне с прелюбодеянием, окрестив их «игрищами Люцифера».

Вслед за этим люди, опасаясь церковной кары, перестали играть публично, скрываясь в специальных притонах, где с азартом предавались «богопротивному промыслу». И надо сказать, зело в этом преуспели.

Так, английский король Генрих VIII во время игры вошёл в такой раж, что умудрился поставить на кон и проиграл колокола собора Святого Павла.

Известные своей приверженностью к карточной игре, герцоги Оранский и Орманский в пылу сражения за ломберным столом перессорились насмерть, в результате чего началась одна из самых кровопролитных и ожесточенных войн в истории Франции.

Индейцы, несмотря на свой аскетизм и приверженность законам племени, ставили на кон и проигрывали не только собственных жён, но и свои томагавки.

Хладнокровные англосаксы ставили на карту своих любовниц против скаковых лошадей. А азартные великосветские леди из окружения английской королевы готовы были удовлетворить самые изощренные сексуальные желания кредиторов, лишь бы иметь возможность продолжить игру и отыграться...

Надо сказать, что женщины – самые азартные игроки, о проделках которых я знаю не понаслышке. Мне лично довелось встретить одну такую бой-бабу...

Дело было лет пять назад, когда я ещё учился в Москве в аспирантуре. Я как раз сошёлся с группой *катал* (профессиональных картёжников), земляков-чеченцев...

– Что, и чеченцы *катают*? Не ожидал! – вырвалось у Герцога.

– Как говорил Карл Маркс: *Homo sum, humani nihil a me alienum puto!* «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо!» – с некоторой обидой в голосе произнес Махмуд.

– Дружище, Махмуд, ты зря обиделся на мой вопрос. Я никогда не мог представить, что твои земляки занимаются такими мелочными вопросами, как мошенничество в картёжных играх... Ну, я понимаю, там банк «взять», золото-алмазный прииск экспроприировать, то есть заставить его работать на себя, – это вам по плечу. Но чтобы твои земляки занялись операциями с картами, уволь, никогда бы не подумал... Это – всё равно, что встретить чеченца – часовщика или чистильщика обуви.

– Да-да, Юлий Львович, не заблуждайтесь. Чеченцы, как и все смертные, занимаются *катанием*... И ещё как преуспели в этом! Приведу вам лишь один пример. Он, во-первых, развеет ваше заблуждение в отношении того, могут ли быть мои земляки *шулерами*. А во-вторых, как нельзя лучше охарактеризует женщин как самых отчаянных и азартных игроков. Когда играют женщины, они аж попискивают от удовольствия. Проигравшись, начинают на себе волосы рвать, плакать: «Я на себя руки наложу!»

Так вот, лет пять тому назад, сижу я со своими земляками-каталами в баре гостиницы «Россия». Подсаживается к нам очень эффектная крашеная блондинка, но видно, что женщина не первой молодости. Тары-бары, растабары – познакомились. Оказалась директором крупного универсама. Привезла взятку для какого-то шишкаря из горпищеторга. Свидание он назначил ей в баре, а сам, значит, задерживается. Ну, моим землякам только того и нужно. Сначала угостили Светлану – так она представилась – шампанским, а затем, чтоб не сидеть впустую, баба-то – полная деловой энергии! – предложили сыграть в три листика, то есть в буру, потом в очко. Она как начала шпилить. «Конец вам ребята! – кричит от радости. – Вы сегодня отсюда без трусов уйдёте, мне сегодня карта прёт. Бросайте ещё!»

Мои земляки сидят посмеиваются. Под неё *загружают* тысячу долларов, а она, дура, хоть бы что. *Закрывает* и *грузит* две тысячи дальше. Всё поставила, сняла серьги с изумрудами, три платиновых кольца с «брюликами». Потом говорит: «Отвернитесь». Задирает подол и откуда-то из трусов достаёт ещё «пресс зелёных» из пяти тысяч долларов...

Когда карты вскрыли (там её шансами и не пахло), такой мат-перемат начался, что, по идее, к нашему столику должна была сбежаться вся обслуга бара. Но нет, никто даже не

пошевелился и в нашу сторону не взглянул, потому как обслуга заранее была прикормлена моими земляками!

Я как самый сердобольный, при таком спектакле впервые присутствующий, говорю ей, чтобы хоть как-то подсластить пилюлю: «Может, вам ещё шампанского?» А она мне в ответ: «Опиз...нел, что ли? Какое ещё шампанское, мля, водку возьми!» И из горла всю бутылку. Выпила, крикнула, закурила сигарету и строевым шагом сержанта сверхсрочника – к выходу...

Или вот ещё был случай. Сняли мы проститутку на Тверской – и в номера гостиницы «Москва», она с начала девяностых фактически является незарегистрированным публичным домом. Покувыркались, расплатились, а на прощание предложили девочкам сыграть партию в *Баккара* племени майя.

Так у всех троих «шехерезад» мы за десять минут выиграли все их деньги. Более того, каждая из них осталась должна нам по 1001 ночи. Уж и не знаю, когда им теперь работать?..

А вообще, я полностью согласен с одним американским *каталог*% который однажды произнес вещую фразу: «У 99 процентов населения земного шара хоть однажды в жизни вдруг появляется буйное желание сыграть. Задача специалистов моего профиля – оказаться в этот момент рядом с таким *лохом* и предоставить ему возможность добровольно освободить от денег свои карманы».

– Махмуд, ты где, в каких библиотеках исторический материал для своей диссертации подбирал?

– В основном в Москве, в Ленинке, потом в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина... А что?

– Да всё очень складно в твоих устах звучит... А когда ты личный практический опыт экскурсом в историю подкрепляешь – вообще заслушаться можно... Давай, поливай дальше!

– Значит так, Юлий Львович, первыми *гиулерами* считаются европейские бродячие фокусники. В XVIII столетии шулерство стало такой престижной профессией, что английские *катали* даже набирали учеников. Курс приобретения «профессии» стоил тысяча пятьсот фунтов стерлингов (сегодня на те деньги можно было бы приобрести престижный автомобиль «Ягуар»!) и считался законченным, если риск быть пойманным с поличным равнялся нулю. В 30-е годы XIX столетия капитаны американских речных пароходов считали дурной приметой, если на борту не было хотя бы одного картёжного жулика...

В Россию «дитя Люцифера» завезли в начале XVII века, и почти тут же началась с ним неравная борьба властей. В «Уложении» 1649 года царём Алексеем Михайловичем предписывалось поступать с игроками так, «как писано о татях», то есть пороть их кнутом, а особо неисправимым отрубать пальцы и руки. Самое удивительное состояло в том, что и «Уложение», и последовавшие затем указы, касавшиеся карточных игр, неизменно вызывали у населения эффект, диаметрально противоположный желаемому властями.

У российских авторитетных историков можно найти утверждения, что «вся Русь с восьми вечера до восьми утра играла в карты, а с восьми утра до восьми вечера думала о них». Самыми неудачливыми российскими игроками XIX столетия были признаны Александр Сергеевич Пушкин и Федор Михайлович Достоевский.

Невезучесть в карточной игре гения всемирной поэзии являлась притчей во языцех и даже вошла в поговорку: «Во всем Петербурге и Москве едва ли найдётся два-три человека, у которых он сумел бы выиграть». После смерти за ним остался картёжный долг в несколько тысяч рублей.

Фёдор Михайлович, напротив, был более удачлив в картах, ему случалось даже сорвать весомый куш, однако всепоглощающая страсть не позволяла вслед за этим покинуть стол, и он просаживал весь выигрыш. Вернувшись домой, он на коленях умолял жену дать хоть

сколько-нибудь денег, чтобы отыграться. При этом неизменно клялся «завязать», но... играл опять, снова и снова увеличивая ставки.

Этот период в жизни автора «Игрока» продолжался более десяти лет. В одном из писем своей жене Фёдор Михайлович признавался, что, спустив всё до копейки, «он не раз испытывал чувство оргазма, более сильное, чем то, которое знал во время совокупления с женщиной...»

Два известнейших на Руси карточных афериста XIX века – герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов и поэт Николай Некрасов. Последний, полунищий к тридцати годам, благодаря картам озолотился к сорока, став одним из богатейших людей России. За баснословную сумму он приобрёл огромное имение с померанцевыми рощами, выписывал из Англии породистых собак и охотничьи ружья, наконец увёл чужую жену-красавицу, соблазнив своим богатством. Да что там уведенная в полон чужая жена-красавица! Сам министр финансов Российской империи Александр Агеевич Абаза висел у него «на векселе», был постоянно ему должен...

Однако все эти Пушкины, Достоевские, Некрасовы – были всего лишь дилетантами. Настоящие *элитные игроки*, или, как их ещё называли, *мастаки*, или *червонные валеты*, были редкостью во все времена. Хотя они существовали, независимо от того, какой на дворе строи: капитализм, нэп, социализм... Не могу утверждать, сохранились ли они в Западной Европе при Гитлере, Франко и Салазаре, но то, что во все времена советской власти они не переводились – факт непреложный и многократно доказанный.

Достаточно обратиться к мировому опыту. Он показывает, если государство нищее и у населения нет шальных денег – нет и большой игры. *Шулера* появляются одновременно с миллионерами. В 1940–1950 годы в СССР таких было немного. Тогда играли блатные, банщики, торгаши, спекулянты, в лучшем случае – заправили «теневого» бизнеса.

В настоящее время ситуация изменилась в корне, и мы сейчас, в конце 1960-х, наблюдаем начало карточного ренессанса...

Однако *элитные катали* (шулера экстра-класса) – величина постоянная, независимая от общественно-политического строя. Их искусство передаётся по наследству – от деда к отцу, от отца к сыну.

Работая над диссертацией, мне доводилось общаться с людьми, чьи семейные династии насчитывали сто пятьдесят и более лет. У каждой такой династии свой именной *шанец* (уловка), оттачиваемый десятилетиями...

Элитный игрок никогда не рассуждает: «Карта – не лошадь, к утру повезёт!» Все эти поговорки – «знал бы прикуп, жил бы в Сочи», «против прухи интеллект бессилён» и прочие, как и само понятие *фарта* (удачи), не для *мастак*ов – для *лохов*. Профессионал почти всегда знает, какие карты находятся в прикупе. А прухи не бывает. Если карта тебе «не идёт», значит, твоим противником применено тайное оружие...

Чтобы выигрывать большие деньги сегодня, в конце 1960-х годов, нужно постоянно что-то изобретать.

Раньше в основном колдовали с колодой – *зарядка*, *крап*, *подрезка*. С наступлением технического прогресса вошли в моду *мульки* (ухищрения) с видеоаппаратурой; рациями; магнитами; столами с «секретом»; увеличительными стёклами и зеркалами; спецочками и контактными линзами; хитрые перстни с вмонтированными в них пипетками, чтобы помечать карты...

Кстати, все технические «прибамбасы» делались не в домашних условиях ремесленниками-кустарями, отнюдь! Всё это за огромные деньги изготавливалось для *элитных игроков* не где-нибудь, а в секретных лабораториях и цехах ЛОМО, Ленинградского оптико-механического объединения...

На практике же техника применялась так: игрок сидел спиной к глухой стене, в соседней комнате его карты рассматривали с трёх ракурсов и информацию передавали через устройство, вклеенное в парик *шулера*.

Но сегодня дураков среди *катал* экстра-класса нет! *Мастаки* стараются играть в самых неожиданных местах, чтобы, значит, противник не успел заранее подготовить плацдарм для нападения.

Кружат на машинах по городу все вместе, присматриваются. А затем делают неожиданный выбор: «А вот зайдём да и сразимся в этом баре или за свободным столиком этого ресторана!»

Поди попробуй установить там технику – нет времени, да и всё это будет сразу замечено... Поэтому в практику карточного мошенничества вновь стали возвращаться *крап*, *зарядка*, *подрезка* колоды... Вновь ставка делается на ловкость рук, на заранее заготовленные *шанцы*, а не на технику.

Вот взять, например, двух *червонных валетов*, давно уже перебравшихся в Штаты, Женю Урюпинского и Васю Брайтон-Бичского. Они давно уже отказались от применения технических средств. А раз так, значит, напридумывали новые *мульки* (ухищрения). Как правило, они встречаются раз в году где-нибудь на Гавайях или Каймановых островах.

Снимают «люкс» в каком-нибудь пятизвёздочном отеле, о котором никогда заранее не договариваются, и *катают* без денег – на слово (зачем с собой тяжести в виде бумажных банкнот или кучи кредитных карточек таскать?).

Причем обоим известно, что никто из них никогда не станет *катать влобовую* (то есть играть по-честному). Каждый применяет свои заготовки и уловки. И тут одной только ловкостью рук не обойтись. Нужны козыри другого порядка – умная голова, феноменальная память, змеиная реакция, стальные нервы...

Они не употребляют ни спиртных напитков, ни табака. Спят по восемь – десять часов в сутки. Ежедневно по пять – шесть часов занимаются картами, тренируют пальцы, проверяют себя на знании постигнутых фокусов, изучают новые...

Единовременный выигрыш (а значит, и проигрыш) составляет от двухсот до пятисот тысяч долларов. Как бы для каждого из них не сложилась игра, они в заключение с улыбкой поднимаются из-за стола, жмут друг другу руки и расстаются до следующей схватки...

– Махмуд, а у нас, в Союзе, в каких городах в основном собираются *катали*?

– Городов, где для крупных дел встречаются *червонные валеты*, или по-другому *мастаки*, немного, в Союзе всего семь: Москва, Ленинград, Киев, Краснодар, Ростов, Ереван и Одесса.

– Ну а Сочи? – подал голос Герцог.

– Сочи – есть Сочи... Там встречаются для проведения решающих матчей. Это – как та нейтральная полоса, где не хозяйничают ни ваши, ни наши.

– Слушая тебя, Махмуд, – перебил Кочева Герцог, – у меня создаётся впечатление, что ты рассказываешь мне красивую сказку о каком-то великосветском клубе джентльменов. Я никогда не поверю, что в среде всех этих *элитных игроков, мастаков или червонных валетов*, назови ты их как хочешь, никогда не бывает разборок, и что все они преисполнены друг к другу благородства и уважения... Нет же, Махмуд? А где же общечеловеческая зависть, ревность? Они что? Начисто их лишены?!

– Тут я с вами, Юлий Львович, согласиться не могу... Впрочем, только отчасти.

Да, действительно, круг, в котором *катают* такие *элитные игроки* всесоюзного масштаба, как москвичи Борис Буряце, Марик Рабинович, Николай Гутаров по кличке Бабай, краснодарцы Серёжа Усенко и его подручный по имени Бруно, наконец, *мастаки*, даже в своём кругу известные только под кличками, например, Паштет, Стиляга, отец и сын Психи, никогда не допускают меж собой разборок!

Совсем другое дело – *гонщики и майданишки* (шулера, орудующие в общественных местах), а это, как правило, дальневосточники, комяки, екатеринбуржцы, пермяки, туляки. Среди них разборки – заурядное явление. И всё из-за сфер влияния в Москве.

Столица – бездонный денежный мешок, здесь самые богатые *лохи*. Найти в Москве «золотого телёнка» легче, чем на периферии, они здесь самородками под ногами валяются. Поэтому самые крутые бригады *катал* пасутся в Первопрестольной, четко разделяя сферы влияния с московскими коллегами, в чьё число, конечно же, не входят упомянутые мною Буряце, Рабинович, Гутаров и другие. Последние – другой породы, а выражаясь их языком, другой «масти»...

Чаще всего разборки бывают среди шулеров-дилетантов. Мне, например, известно, когда Владимир Высоцкий проиграл «мерседес», подаренный ему Мариной Влади, случилась такая разборка, что в конце концов, чтобы её закрыть, Высоцкому пришлось отдать игроку, сорвавшему кон... певицу Анне Вески. Чтоб не отдавать «мерседес»!..

Или вот ещё случай из разряда экстраординарных, но тоже касающийся шулера-дилетанта. В начале 1960-х годов никому неизвестный пятнадцатилетний вундеркинд из Харькова *трахнул* всех самых мощных и именитых игроков Советского Союза. В *преф*, *стос*, *деберц*, *буру* – во все игры. Делал он это легко, походя, будто даже бравируя своим даром. Ему, казалось, не было никакой разницы, во что накалывать *мастаков*. Авторитеты «*Больших Карт*» впали в панику, растерялись: какой-то пацан «обувает» всех, невзирая на табель о рангах!

А мальчик в сопровождении отца – последний возил его на своей машине и договаривался с профессионалами об условиях и месте проведения турнира – преспокойненько гастролировал по стране, поочередно встречался с *элитными игроками* с глазу на глаз и за один раз *выкачивал* по 50–70 тысяч рублей! Чем в конце концов подписал себе смертный приговор – в прошлом году его застрелили в Дербенте. Но! Должников осталось столько, что и сейчас его родители регулярно получают по векселям суммы с четырьмя нулями...

– Махмуд, скажи, а вот если проигравший не в состоянии отдать свой долг, я, разумеется, не имею в виду Урюпинского и Брайтон-Бичского, Бориса Буряце, Марика Рабиновича, Гутарова и Усенко – с ними всё ясно. Меня интересуют *лохи* или *каталы* средней руки... Что может с ними сделать тот, кому они задолжали?

– Юлий Львович, традиции и законы погашения карточного долга такие же древние, как и сама игра в карты... Например, существует такое «золотое правило» шулера: выигрыш возвращается только в двух случаях – если у проигравшего свадьба или похороны. В остальных случаях правило железное, жестче не бывает: не отдашь долг – включают счётчик, наезжают. Арсенал всем известный: раскалённые утюги на живот, горячий паяльник в анальное отверстие, подвешивание за яйца, закапывание по уши в землю, на каком-нибудь кладбище, изнасилование жены, дочерей и даже сыновей...

Должник в милицию не пойдёт. Чаще ударяется в бег. На этот случай предусмотрены «конторы», которые отыщут беглого должника в любой точке планеты и привезут «папе» на дом. Дорого, конечно, хлопотно, волокиты и времени такой поиск занимает уйму, но... Сегодня, говорят, такие «конторы» процветают. А раз так, то их услуги пользуются спросом. Некоторые проигравшиеся в дым *каталы* пытаются отсидеться, а заодно и деньжат подсобрать для погашения долга в местах, называемых *катранами*...

Махмуд, наслаждаясь произведенным эффектом, протяжно посмотрел на Хозяина. Герцог под этим взглядом беспокойно заёрзал в кресле:

– Так, значит, они, эти *каталы*, имеются и на нашем приiske! Где ж они играют, ведь такая игра занимает не час, не два...

– Юлий Львович, вы, как всегда, попали в десятку... Да, и у нас есть места, где собираются шулеры. Это те самые места, которые я назвал *катранами*. В наших условиях это –

квартиры медсестер и санитарок местной больницы, которые предоставляют свои жилища для круглосуточной игры. За ночь эти благодетельницы имеют больше, чем зарабатывают в больнице за месяц. С каждой ставки они имеют свои комиссионные, на которые закупают курево, чай, закуски, колоды на выбор, но основное всё равно остаётся им как содержательницам *катрана*.

Мне, когда я работал над своей диссертацией, довелось побывать в одном таком *катране*. Я ожидал увидеть почтенную публику, увлеченную интеллектуальной игрой в *пре-феранс*, *бридж*, *покер*... Какое там! Переступив порог, я обнаружил, что в одной комнате режутся в *буру*, во второй – в *секку*, в третьей занимаются групповым сексом, а на кухне валялись в отходняке три здоровенных уголовника, сбежавшие из зоны, фото которых, кстати, были вывешены на дверях всех отделений грозненской милиции. Но то, что я встретил в первый раз – это, так сказать, дно. Думаю, что и у нас, на приiske, *катраны* не в лучшем состоянии.

Вообще-то, я считаю, что *катраны* – это уже отмирающее явление, потому что для настоящей игры уважающие себя и партнёров игроки, как правило, снимают «люкс» в самой лучшей гостинице города. Просто у нас на приiske нет других мест и условий для игры, кроме *катранов*. Кстати, в одном из них вчера поселился, кто б вы думали?... Борис Буряце!

– Но я-то почему об этом не знаю?! – грубо оборвал собеседника Герцог. – Я же только вчера вечером просматривал журнал регистрации всех прибывших с материка на прииск артистов. Что за чертовщина! И потом. Где же его артистический реквизит, ансамбль цыган, наконец?! Ничего ведь этого нет, иначе я бы обратил внимание на приезд этого, с позволения сказать, артиста!! Это что ж получается, первым своим пением тенор обворожил меня?! А ты, Махмуд, куда смотришь? Ты же – моя правая рука! Н-да, распустил я вас, чертей. Добротой моей пользуетесь, так что ли?!

– Юлий Львович, – вкрадчиво произнес Махмуд. – Если вы помните, то сегодня вечером разговор о карточных шулерах и их проделках завёл именно я... И идею о том, чтобы поставить их под наш контроль, высказал тоже я... Кроме того, вам было интересно меня слушать, не так ли?... А теперь я ещё и виноват!

– Извини, Махмуд, я погорячился... Ты не виноват... Продолжай!

– Буряце, да и не только он, Сережа Усенко с Бруно, Стиляга и другая рыбёшка помельче прибыли сюда совсем для других гастролей, не потешать старателей, а обирать их. Они приехали сюда за *рыжьём* (золотом)... Перечисленных фамилий вы не знаете, вернее, не знаете, чем занимаются люди, их носящие, поэтому и не обратили на них внимания.

А фамилия Буряце вам не бросилась в глаза, потому что её не было в журнале регистрации, раз. Потому что – это не фамилия, а псевдоним, два. Да-да, псевдоним, придуманный ещё его отцом, Леоном Гермайером-Ренардом. Так что и Боречка, прибывший в нашу вотчину за золотишком, зарегистрировался не как Буряце, а как Борис Леонович Гермайер-Ренард. И приехал он сюда не со своим ансамблем, а с чемоданчиком карточных колод, а возможно, и с шулерским набором, ну, там со спецочками, контактными линзами и прочими «*примочками*».

– Да знаю я прекрасно, что Буряце – это псевдоним... Давно, ох, как давно, знаю. Ну, господин Гермайер-Ренард, господин Гермайер-Ренард!.. Не знали и не ведали вы, что нам придётся свидеться через столько-то времени... И где? В моих вотчинах! Но вчера, признаюсь, маху я дал – не обратил внимания на эту давно мне известную фамилию, а ведь должен был! Н-да... Ну, ничего. Всё ещё можно отладить! – глядя куда-то в пустоту и думая о чем-то своём, раздельно, но внятно произнес Герцог. Тут же спохватился, будто очнувшись ото сна, и громко произнёс: – Так, Махмуд! Ты своим рассказом об *элитных игроках* основательно меня завёл... Я теперь себе места не найду, пока не встречу с Буряце. Ещё проживая в

Одессе, я был чемпионом микрорайона по игре в *очко, буру, секку, деберц*... Да и в *преф* мне равных не было!

– Простите, Юлий Львович, но ведь с тех пор прошло столько времени, а в таких делах, как карты, нужна ежедневная тренировка, – вкрадчиво заметил Махмуд.

– Я всё понял, Махмудик! На текущий момент в твою задачу входит лишь представить меня Буряце, то есть Гермайеру-Ренарду. На контакт он пойдёт охотно – я ведь не какой-то Пупкин-Залупкин, я – Герцог! С завтрашнего дня прекращаем попусту тратить время, гонять чай вечера напролет. Принимаемся за дело, за карты... Но тебе, Махмуд, я поручаю самое главное – вывести меня на него. Можешь даже пообещать ему использование моей квартиры в качестве *катрана*, места здесь всем хватит. Поэтому пусть ведёт сюда всех своих карточных партнёров, но только *элитных*, ты понял? Скажешь, что я хотел бы освоить некоторые премудрости их искусства *выставлять лохов из денег*... Разумеется, я готов за это платить ему немалые деньги! За каждый сеанс, за каждый урок. Скажешь ему, пусть даже цену назначит – для меня это не проблема! Словом, придумай что-нибудь. А вот когда я поближе познакомлюсь с этим тенором-псевдоволшебником, вот тогда-то мы и скрестим шпаги за ломберным столом и я завладею его часами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.